

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1910 г.

№ 1.

Воскресенье 3 января.

„Право“ издается в С.-Петербурге при ближайшем участии: приват-доцента В. М. Гессена, Т. В. Гессена, профессора А. И. Каминка, В. Д. Набокова, профессоров М. Я. Пергамента и Л. Г. Петражицкого.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Ответственность министровъ. М. Вишняка. 2) По поводу новаго повышенія гербоваго сбора. В. Сам—ва. 3) Право запросовъ въ III думѣ. Л. Неманова. 4) Испытательная отсрочка наказанія и присяжные. Проф. П. Пусторослева. 5) О порядкѣ удовлетворенія конкурсомъ долговъ администраціи и по облигаціямъ акціонерныхъ обществъ. М. Кревера. 6) Судебные отчеты: а) Прав. сенатъ (Засѣд. угол. касс. деп. 8 декабря); б) Прав. сенатъ. (Засѣданіе гражд. касс. департ. 2 декабря); в) Псковскій окружный судъ. (Дѣло о холерномъ бунтѣ). 7) Изъ иностранной юридической жизни. 8) Хроника. 9) С.-Петербургское юридическое общество. 10) Кіевское юридическое общество. 11) Судебно-административная практика. (Примѣненіе къ заведеніямъ съ продажей крѣпкихъ напитковъ ст. 594 уст. акцизн. сбор.). 12) Справочный отдѣлъ. 13) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Колюшенина, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ — 10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За переѣзду адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Открыта подписка на 1910 годъ.

Ответственность министровъ.

За послѣдніе мѣсяцы какъ въ думѣ, такъ и въ думѣ неоднократно приводились въ связь нестроения русской жизни съ отсутствіемъ ответственности министровъ. Эта связь несомнѣнно существуетъ и несомнѣнно она самая глубокая, интимная, если можно такъ выразиться, свойства. И чѣмъ глубже она, тѣмъ сильнѣе нужды въ отчетливомъ проведеніи логическихъ граней, чтобы тѣмъ благотворнѣе могли оказаться плоды ея.

На послѣднемъ «октябристскомъ» сѣздѣннѣй г. Григорьевъ изъ Петербурга доказывалъ, что «до установленія ответственности должностныхъ лицъ, начиная съ министра и кончая послѣднимъ городовымъ, свободѣ въ Россіи не бывать». (См. «Рѣчь» отъ 6 окт.). Совѣмъ на дняхъ, во время дебатовъ по законопроекту о неприкосновенности личности, членъ думы Бобяевскій выставилъ ответственность всѣхъ административныхъ лицъ въ качествѣ постулата, обуслови-

вающаго успѣхъ законопроекта 18 ноября при обсужденіи незаконномѣрной дѣятельности бывшаго министра Тимирязева депутатъ Степановъ поставилъ повтореніе подобныхъ случаевъ въ зависимость отъ замѣны «призрачной административной ответственности министровъ ответственностью парламентской передъ судомъ народныхъ представителей».

Факты эти, конечно, только, такъ сказать, примѣрнаго свойства. Возможно, что слова ораторовъ переданы въ газетномъ отчетѣ не точно. Суть не въ этомъ. И даже не въ субъективныхъ ошибкахъ или неправильныхъ взглядахъ того или другого лица. Вопросъ ставится шире. Что такое, вообще, ответственность министровъ? Отличается ли она чѣмъ-нибудь отъ общей ответственности всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ? Совмѣстима ли она съ нашимъ строемъ,—не de facto, конечно, а хотя бы de jure? Каково ея практическое значеніе?

Ответственность министровъ въ собственномъ смыслѣ слова не имѣетъ никакого отношенія къ той общей уголовной и гражданской отвѣт-

ственности министровъ, которой подлежатъ они, какъ и другіе граждане, въ случаѣ нарушенія закона. Это институтъ *sui generis*, въдомый только конституціонному государству и состоящій въ отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ за ихъ должностную дѣятельность, *ratione materiae*, а не *ratione personae*. Кто бы какъ бы ни конструировалъ отвѣтственность министровъ, обосновывая ли ее на безотвѣтственности главы государства или на характерѣ дѣятельности министровъ,—изъ чего бы ни исходить—изъ принципа действительности къ коронѣ или гарантіи народныхъ правъ,—любая теорія, начиная со скрытыхъ апологетовъ абсолютизма Буддеуса, Вюшофа, переходя къ сторонникамъ *Fictionstheorie* и кончая теоріями Бенжамена Констана, Роберта ф. Моля, Самуэли, Еллинека, Ганса ф. Фриша, А. С. Алексѣева, А. Жилина и т. д. и т. п., любая теорія, какъ бы рѣзко ни отличалась она отъ другихъ по объему представляемыхъ ею народному представительству правъ по отношенію къ министрамъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, какъ бы различно ни называли онѣ институтъ отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ, — но самый принципъ о с о б о й отвѣтственности министровъ, какъ отвѣтственности ихъ передъ народнымъ представительствомъ,—признается ими всѣми одинаково.

Отвѣтственность министровъ, какъ институтъ *sui generis*, и исторически, и логически вытекаетъ изъ ограниченія верховной власти и признанія за народнымъ представительствомъ общаго права контроля за управленіемъ. Естественнымъ слѣдствіемъ послѣдняго является отвѣтственность министровъ именно передъ народнымъ представительствомъ, а не передъ монархомъ, который въ противномъ случаѣ былъ бы судьей въ собственномъ дѣлѣ и юридически не отличался бы въ этомъ отношеніи ничѣмъ отъ абсолютнаго монарха «добраго стараго времени». Это даетъ основаніе нѣмецкому профессору Альб. Генелю замѣтить, что отрицаніе контроля и министерской отвѣтственности есть отрицаніе конституціоннаго государства ¹⁾, или нашему систематичу русскаго конституціоннаго права пр. доц. Н. И. Лазаревскому сказать, что только «предоставленіе палатамъ права привлеченія министровъ къ отвѣтственности обращаетъ принципъ верховенства закона—этотъ основной моментъ конституціоннаго строя—изъ пустой фразы въ дѣйствительность» ²⁾.

Какъ особый институтъ конституціоннаго права, отвѣтственность министровъ есть отвѣтственность передъ народнымъ представительствомъ за должностную дѣятельность министровъ, *ratione materiae*, въ силу самаго характера ихъ

дѣятельности, гдѣ политическій моментъ является преобладающимъ. Не нужно непременно раздѣлять теорію т. н. министерскихъ преступленій (*crimes ministériels*), чтобы признать, что характеръ правонарушеній, которыя можетъ совершить министръ, по самой природѣ своей чужды и принципиально отличенъ отъ правонарушеній возможныхъ для обыкновеннаго гражданина или другихъ должностныхъ лицъ. Преступленія дѣянія по должности вызываютъ иную отвѣтственность, нежели общія преступленія, въ силу власти, которая связана со всякой должностью. Характеръ и степень этой власти—полнота и самостоятельность—отличаетъ власть министра отъ власти всѣхъ прочихъ административныхъ лицъ. Отличіе во власти опредѣляетъ и отличіе въ характерѣ отвѣтственности. Поэтому, когда говорятъ объ установленіи отвѣтственности должностныхъ лицъ, «начиная съ министра и кончая послѣднимъ городovýmъ», или когда имѣютъ въ виду законопроекты «о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ», безразлично будетъ ли то законопроектъ министра юстиціи Щегловитова отъ 14 марта 1909 г. или какойнибудь иной,—нужно разъ на всегда отдать себѣ отчетъ, что ничего общаго съ отвѣтственностью министровъ въ собственномъ смыслѣ, какъ съ особымъ институтомъ конституціоннаго права,—это не имѣетъ и ни при какихъ поправкахъ къ подобному законопроекту имѣть не сможетъ. Въдъ не надо же забывать, что когда Дайси или другіе говорятъ о равной отвѣтственности всѣхъ, «начиная съ перваго министра и кончая констэблемъ», то они имѣютъ въ виду господствующій въ Англіи принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, а вовсе не ту отвѣтственность министровъ, о которой мы здѣсь говоримъ и которая въ Англіи носитъ названіе *Impeachment*, большинствомъ же современныхъ публицистовъ именуется государственно-правовой отвѣтственностью (нѣкоторые называютъ ее конституціонной, юридической, судебной и т. д.).

Основанія для примѣненія этой государственно-правовой отвѣтственности указаны Бенжаменомъ Констаномъ еще сто лѣтъ тому назадъ ¹⁾: «Существуетъ тысяча способовъ несправедливо, или бесполезно начать войну, вести начатую войну съ чрезмѣрной стремительностью, чрезмѣрной медлительностью или небрежностью, привести въ переговоры чрезмѣрную неуступчивость или чрезмѣрную слабость, поколебать кредитъ, благодаря легкомысленнымъ операціямъ или плохо разсчитанной бережливости или безчестности, прикрытой различными названіями. Если бы каждый изъ этихъ способовъ принесенія вреда государству долженъ былъ бы быть опредѣленъ и обозначенъ закономъ, кодексъ отвѣтственности долженъ былъ бы составить историческій и политическій трактатъ, и все

¹⁾ Albert Haenel. *Studie zum deutschen Staatsrecht*,—Leipzig 1888. Bd. II. S. 197.

²⁾ Н. И. Лазаревскій. Лекціи по русск. госуд. праву. т. I. стр. 9.

¹⁾ *Cours de Politique constitutionnelle*.—Bruxelles 1837. P. 180.

же постановленія касались бы только прошлаго. Для будущаго министры нашли бы новыя средства их обойти». «Министръ измѣняетъ государству всякій разъ, когда онъ проявляетъ свою законную власть во вредъ государству» — таково краткое резюме теоріи Бенж. Констанана, которая пережила своего творца и повторяется въ наши дни ¹⁾.

По отношенію къ Россіи вопросъ объ отвѣтственности министровъ теоретически довольно ясный и простой вѣзается глиномъ въ наболѣвшій вопросъ о формѣ русскаго государственнаго строя и о совмѣстимости съ ней института отвѣтственности министровъ.

Парламентарнаго правленія, о которомъ Эсменъ говоритъ, что оно есть ни что иное, какъ министерская отвѣтственность, доведенная до крайнихъ предѣловъ ²⁾, — у насъ, конечно, нѣтъ и въ поминѣ. Невольно вспоминается печальный опытъ первой государственной думы, пытавшейся проложить путь въ этомъ направленіи, выставивъ непреложное требованіе: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!» Смѣшно, конечно, и говорить о министерской отвѣтственности, какъ особомъ институтѣ конституціоннаго строя, гдѣ берется подъ сомнѣніе самое существованіе парламента. Однако не слѣдуетъ упускать изъ вида, что только въ своихъ «крайнихъ предѣлахъ», какъ выражается Эсменъ, или въ наиболѣе развитомъ своемъ видѣ отвѣтственность министровъ выражается въ т. н. парламентарной или политической отвѣтственности, заключающейся въ обязанности министровъ выходить въ отставку, если они лишаются довѣрія парламскаго большинства.

Въ Англіи, гдѣ парламентаризмъ возникъ раньше, чѣмъ гдѣ либо и гдѣ онъ далъ наиболѣе пышныя входы, культивировавшіеся позднѣе въ другихъ странахъ, ростки политической отвѣтственности министровъ появляются лишь спустя четыре вѣка послѣ появленія парламента и почти тремя вѣками позднѣе *Impeachment*, который былъ примѣненъ впервые въ 1376 г. по дѣлу королевскихъ совѣтниковъ Латимера, Невилля и друг., обвиненныхъ въ лихоимствѣ и злоупотребленіи въ управленіи. Между тѣмъ терминъ «совѣтъ кабинета», равно какъ первая попытка удалить министра путемъ вотума недоувѣрія встрѣчается только при Карлѣ I. И лишь въ XVIII вѣкѣ коллективный уходъ министерства лорда Норта кладетъ въ Англіи начало принципу солидарной отвѣтственности министровъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ,

¹⁾ Американскій писатель Story въ своей книгѣ „Commentaries on the constitution of the United States, Boston 1891“ или, напр., нѣмецкій писатель Hans v. Frisch въ книгѣ „Die Verantwortlichkeit der Monarchen und höchsten Magistrate Berlin 1904 г.“, почти буквально повторяютъ Бенж. Констанана.

²⁾ В. М. Гессенъ называетъ парламентаризмъ „высшей формой, въякомъ конституціоннаго режима“, ср. „Политическій строй современныхъ государствъ“. т. I, 187.

и составляетъ существо парламентаризма ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время фактически *Impeachment* въ Англіи умеръ. Больше ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ его въ послѣдній разъ приводили въ дѣйствіе ²⁾. Но юридически этотъ институтъ не отмѣненъ, и во всякое время въ случаѣ надобности можетъ быть призванъ къ жизни. А, главное, мы говоримъ здѣсь вѣдь не о томъ значеніи, которое имѣетъ *Impeachment* для современной Англіи, а объ историческомъ значеніи его въ ходѣ развитія парламентаризма и о совмѣстимости этой такъ называемой государственно-правовой отвѣтственности министровъ съ «ублюдочною политической формой конституціоннаго самодержавія», какъ характеризуетъ современный государственный строй Россіи П. Б. Струве (см. его статью въ послѣдней книгѣ «Русск. Мысли»). Въ этомъ отношеніи умѣстно привести слова извѣстнаго Ансона, который отмѣчаетъ, что «способъ контроля дѣйствій министровъ короны посредствомъ *Impeachment* имѣлъ весьма большое значеніе въ то время, когда король и министры не были склонны считаться съ закономъ и когда парламентъ не былъ въ состояніи оказывать свое давленіе правильнымъ и постояннымъ образомъ. Такимъ образомъ изъ 54 случаевъ *Impeachment* съ 1621 г. до нашего времени 19 относятся къ первымъ тремъ годамъ Долгаго Парламента» ³⁾.

Вообще надо сказать, что значеніе такъ называемой государственно-правовой отвѣтственности министровъ, какъ и большинства правовыхъ институтовъ, весьма измѣнчиво въ зависимости отъ мѣста и времени. И то, что для одного государства является уже давно пройденной ступенью, является очередной задачей и даже еще только чаепіемъ и упованіемъ для народа другой страны. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса нѣмецкій писатель Гансъ ф.-Фришъ пишетъ: «Практическое значеніе юридической отвѣтственности зависитъ въ отдѣльныхъ государствахъ отъ мощи парламента: гдѣ мощь парламента незначительна, напримѣръ, въ нѣмецкихъ государствахъ, или гдѣ правительство, согласно принципу раздѣленія властей, не можетъ держать рѣчь и давать отчетъ парламенту, какъ въ Америкѣ, тамъ, вообще говоря, даже и въ парламентѣ распространено мнѣніе, что право преслѣдованія передъ верховнымъ судомъ со-

¹⁾ На этомъ основаніи Эсменъ и Дюги, напр., — опираясь на ст. 12 конституц. закона 25 февр. 1875 г., трактующую о солидарной отвѣтственности министровъ, полагаютъ, что парламентаризмъ во Франціи покоится не на „конституціонномъ соглашеніи“ только, а закрѣпленъ и въ положительномъ законѣ.

²⁾ Неудачныя попытки возбудить *Impeachment* имѣли мѣсто еще въ 1848 и 1866 г. — Ср. Hans v. Frisch. op., cit., S. 48.

³⁾ Вильямъ Энсонъ: „Англійскій парламентъ, его конституціонные законы и обычаи“. Спб. 1908. стр. 327.

ставляет одну из сильнѣйшихъ гарантій конституцій»¹⁾.

Однако же не слѣдуетъ думать, чтобы въ тѣхъ государствахъ, гдѣ уже достигнуто влияние и единство между парламентомъ и правительствомъ въ смыслѣ подчиненія воли послѣдняго воли перваго, — «примѣненіе государственно-правовой отвѣтственности, какъ судебной отвѣтственности *suī generis*, утратило бы практическое значеніе», какъ полагаетъ московскій профессоръ А. С. Алексѣевъ²⁾. Можетъ быть, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, «парламентская отвѣтственность предупреждаетъ отвѣтственность судебную», какъ думаетъ А. С. Алексѣевъ, но далеко не во всѣхъ случаяхъ, и потому одному у судебной отвѣтственности всекое значеніе отнято быть никакъ не можетъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе, какъ часто — сравнительно съ прошлымъ, конечно, значительно рѣже — имѣютъ мѣсто даже въ парламентарныхъ странахъ случаи привлеченія къ такъ наз. судебной отвѣтственности преступныхъ министровъ. Если взять для примѣра Францію за время III республики, то, не говоря о грандіозномъ *coup d'état*, замышленномъ министерствами Броули и Рошбуэ въ эпоху мак-магоновскаго септенната и по размѣрамъ приближавшемуся къ перевороту 2 декабря 1851 г., мы имѣемъ шесть разнообразныхъ случаевъ возбужденія вопроса о привлеченія къ такъ наз. государственно-правовой отвѣтственности то одного министра, то нѣсколькихъ, то всего министерства цѣликомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчается не одно предложеніе въ этомъ смыслѣ, а нѣсколько³⁾. И это при всемъ несовершенствѣ практической постановки этого института, отчасти вытекающаго изъ несовершенства теоретической его разработки!

Приведенные факты пробуютъ нерѣдко парировать указаніемъ на то, что въ большинствѣ случаевъ предложенія о привлеченія министровъ къ государственно-правовой отвѣтственности оказывались безрезультатными, что процессы, начатыя противъ министровъ, заканчивались въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ, т. е. не влекли за собой наказанія. Какъ будто единственный смыслъ этого института въ карѣ, которую должны непременно понести осужденные министры?!

Вообще надо замѣтить, что одбивать полезность запретительнаго закона по числу осужденій, для которыхъ онъ даетъ мѣсто, это значитъ, — какъ справедливо говоритъ бельгійскій изслѣдователь вопроса о министерской отвѣт-

ственности Кершовъ де Дентергемъ, — не считаться съ предупредительнымъ дѣйствіемъ, которое вызывается самой наличностью закона и его предупредительнымъ примѣненіемъ⁴⁾. Да и по существу между судебной и политической отвѣтственностью нѣтъ той разницы, что «древняя и грубая сдержка» караетъ за преступленія въ то время, какъ «новая и мягкая» предупреждаетъ ихъ, ибо и судебная отвѣтственность имѣетъ цѣлью предупредить дальнѣйшую дѣятельность преступнаго министра, и политическая отвѣтственность осуществляется лишь *post factum*, по совершеніи министромъ какого-либо вреднаго, съ точки зрѣнія парламентскаго большинства, шага, а не до него: — «выраженіе довѣрія или недовѣрія формально есть своего рода судебный приговоръ надъ министрами короны, прошедшій черезъ ту или другую палату», — говоритъ В. Энсонъ²⁾, или, — какъ о томъ же говоритъ Беджотъ: «Одинъ изъ недостатковъ этого рода сдержки состоитъ въ томъ, что она можетъ оказаться вовсе не сдержкой, а только наказаніемъ. Министръ можетъ, рискуя получить отставку, сдѣлать такое распоряженіе, которое создастъ неустрашимыя послѣдствія; тогда вредъ отъ такихъ послѣдствій послужитъ основаніемъ для удаленія и осужденія министра»³⁾.

Интересно отмѣтить, что за исключеніемъ Японіи и нѣкоторыхъ мелкихъ «государствъ», входящихъ въ составъ германской имперіи, кромѣ Россіи, нѣтъ, кажется, ни одной конституціи, гдѣ бы такъ или иначе подробнѣе или вкратцѣ ни говорилось о такъ наз. государственно-правовой отвѣтственности министровъ. Даже конституціонный актъ прусскаго государства въ ст. 61 постановляетъ: «по рѣшенію одной изъ палатъ противъ министровъ можетъ быть возбуждено обвиненіе въ нарушеніи конституціи, подкупѣ или измѣнѣ» и т. д.

Съ другой стороны, и тѣ государства, которыя рѣшительнымъ образомъ становятся на путь парламентаризма, въ своихъ конституціяхъ намѣчаютъ общіе контуры государственно-правовой отвѣтственности министровъ или обѣщаютъ выработать спеціальныя для того законы, иногда съ обязательствомъ представить ихъ «въ ближайшую сессію», «не позднѣе ближайшей законодательной сессіи»⁴⁾. Правда, обѣщанія эти

¹⁾ Kerchove de Deuterghem: „De la responsabilité des minsstres dans le droit public belge“. Р. 45.

²⁾ В. Энсонъ. — Указ. сочин. стр. 343.

³⁾ В. Беджотъ. „Государственный строй Англіи“. — Москва 1905. стр. 31.

⁴⁾ Такія обѣщанія даютъ конституціи: Австріи, Баваріи, Бадена, Бельгіи, Греціи, Даніи, Нидерландовъ, Португаліи, Пруссіи, Румыніи, Сербіи, Австро-Венгріи, Исландіи, Бразиліи, Берна, Франціи, Черногоріи. — При этомъ, во многихъ изъ перечисленныхъ государствъ обѣщанія относятся только къ формамъ процесса и нѣкоторымъ нормамъ матеріальнаго права, такъ какъ самый принципъ и основы т. н. государственно-правовой отвѣтственности министровъ въ этихъ конституціяхъ уже имѣются.

¹⁾ Hans v. Frisch: „Die Verantwortlichkeit der Monarchen“. s. w.“. — S. 373.

²⁾ „Безответственность монарха и отвѣтственность правительства“. Москва. 1907. стр. 59.

³⁾ Ср. интереснѣйшія и поучительнѣйшія странницы въ Journ. officiel. Débats parlementaires. Chambre des députés: 1879—Р. 1838—1845 et 2022—2042. — Séances du 9 nov. 1880, du 30 mars 1885, du 8 juillet 1893, du 14 janvier et 27 nov. 1895 et 5 juin 1899.

въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не сдерживались, но характерно то, что они давались, что по смыслу всѣхъ этихъ конституцій парламентская ответственность вовсе не исключаетъ отвѣтственности государственно-правовой. Въ некоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, исполнялось и общаніе. Такъ, напр., Румыніа въ 1879 г.—стало быть, послѣ введенія конституціи 66 года—выработала положенія о государственной отвѣтственности. Приблизительно то же имѣло мѣсто на 2½ года раньше въ Греціи. Еще раньше—въ Баденѣ.

Въ соотвѣтствіи съ практикой и доктрина на Западѣ признаетъ значеніе института т. н. государственно-правовой отвѣтственности министровъ не только въ исторіи развитія западно-европейскаго конституціонализма, но и для нуждъ современности. Далекое восторженный поклонникъ этого института Георгъ Еллинекъ вынужденъ былъ признать, что «положенія о государственно-правовой отвѣтственности министровъ, въ случаѣ даже ихъ полнѣйшаго непримѣненія, все-таки являются средствомъ дѣйствія на министровъ, а потому и составляютъ конституціонную гарантію»¹⁾. И когда годъ тому назадъ «личный режимъ» въ Германіи обострился, Еллинекъ поднялъ свой авторитетный голосъ въ защиту законопроекта, который регулировалъ бы государственно-правовую отвѣтственность канцлера: Еллинекъ предлагалъ предоставить союзному совѣту и тремъ четвертямъ рейхстага право возбуждать обвиненіе противъ имперскаго канцлера²⁾.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ практикой стоятъ теорія и въ Россіи.

На практикѣ мы имѣемъ, съ одной стороны,—ст. 124 основн. госуд. законовъ, которая гласитъ, что «за преступныя по должности дѣянія предсѣдатель совѣта министровъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности на основаніяхъ, въ законѣ определенныхъ». Изъ предыдущаго ясно, что съ т. н. государственно-правовой отвѣтственностью, какъ институтомъ *suí generis* конституціоннаго строя, эта статья не имѣетъ ничего общаго. Съ другой стороны, практика въ Россіи явила нарушение ст. 24 и 105 осн. закон. при роспускѣ I государственной думы, актъ 3 іюня, продовольственныя операціи, амурскую дорогу, проектъ срытія крѣпостей на окраинахъ, продажи сѣверныхъ дорогъ иностранцамъ, разъясненія въ

«инструкціонномъ» и кодификаціонномъ порядкѣ основныхъ законовъ, интендантскія хищенія, сдачу нефтяныхъ участковъ и проч. и т. п.

Трудно, конечно, говорить о значеніи, которое институтъ т. н. государственно-правовой отвѣтственности могъ бы имѣть для Россіи въ прошломъ. Еще труднѣе предвидѣть значеніе, которое онъ можетъ имѣть въ будущемъ. Достаточно констатировать одно: существующая у насъ упоминаемая «сдержка» противъ министровъ, будь государственно-правовая ихъ отвѣтственность предусмотрена закономъ хотя бы въ самомъ ограниченномъ объемѣ, хотя бы только за провонарушенія и незаконность, а не за нарушение *honesty, justice and utility* въ управленіи,—и матеріала для дѣятельности нашего народнаго представительства оказалось бы достаточно, слишкомъ достаточно... Въ этомъ отношеніи особо поучительный интересъ представляютъ законопроекты о т. н. государственно-правовой отвѣтственности министровъ, которые предлагались въ другихъ странахъ—прежде всего во Франціи (особенно послѣдній проектъ Паскаля Дюпра): они почти текстуально предусматриваютъ большинство вышеприведенныхъ «дѣяній».

И при той злободневности, такъ сказать, которую имѣетъ институтъ государственно-правовой отвѣтственности для Россіи, становится особенно удивительнымъ, что русскіе государственовѣды въ борьбѣ за торжество конституціонализма въ Россіи какъ бы презрѣли этотъ институтъ. Большинство современныхъ публицистовъ въ Россіи относится съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ т. н. судебной отвѣтственности, считая, что «политическая отвѣтственность остается единственной формой, которая обезпечиваетъ дѣйствительную гармонию между представительствомъ и правительствомъ»,—какъ выражается одинъ изъ этихъ публицистовъ—С. А. Котляревскій. Т. н. судебная отвѣтственность—конечно, болѣе скромный институтъ, нежели т. н. парламентарная отвѣтственность министровъ, но въ борьбѣ за конституціонализмъ право выбирать оружіе, къ сожалѣнію, принадлежитъ не публицистамъ и государствовѣдамъ. И какъ бы заманчиво ни звучалъ *conjunctivus adhortativus*: «власть исполнительная да подчинится власти законодательной!» не слѣдуетъ ради него поступаться благами, которыя можетъ принести простое изъяснительное наклоненіе «государственная дума имѣетъ право возбуждать преслѣдованіе противъ министровъ на слѣдующихъ основаніяхъ: въ случаѣ и т. д.».

Основанія отвѣтственности за преступныя дѣянія по должности, о которыхъ говорится 124 ст. основн. законовъ, что они определены въ законѣ—поскольку они касаются министровъ, находятся не въ основныхъ законахъ, бронированныхъ ст. 8 осн. зак., а въ учрежденіи государственнаго совѣта въ ст. 68 п. 4 и ст. 87—95 и ст. 1112, т. XVI ч. 1 св. законовъ. Уста-

¹⁾ „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“—Сиб. 1907. Стр. 50.

²⁾ Телеграфъ отъ 2/11 дек. т. г. сообщилъ, что національ-либеральная партія въ Германіи внесла въ рейхстагъ предложеніе объ измѣненіи конституціи въ смыслъ точнаго опредѣленія отвѣтственности имперскаго канцлера за всю правительственную дѣятельность Императора и регулированія вопроса объ отвѣтственности имперскаго канцлера передъ верховнымъ судомъ.—См. „Рѣчь“ № 328 за 1909 г.

новить ли «работоспособная» дума т. н. государственно-правовую ответственность для министров или даже не попытается установить, предпочитая ей прежнюю «вермишель»,—здесь нас не интересует, да и по существу это вопрос уже факта, а не права. Дѣло русских юристов привлечь вниманіе и указать на значеніе института т. н. государственно-правовой ответственности министров, этой пушки въ 100 тоннъ,—какъ характеризуетъ ее знаменитый Брайсъ,—которую, по его мнѣнію, никогда не употребляютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, т. е. ею очень трудно управлять.

«Пушка въ 100 тоннъ» должна занять свое мѣсто въ общемъ арсеналѣ конституціоннаго оружія въ Россіи. Такова насущная потребность жизни, освѣтить и удовлетворить которую призвана наука.

М. Вишнякъ.

По поводу новаго повышенія гербоваго сбора.

Въ общей погонѣ за увеличеніемъ доходоваго казны, наряду съ усиленіемъ прямого обложенія, повышаются подѣ шумокъ и косвенные налоги.

Такъ, въ государственную думу уже внесенъ законопроектъ о новомъ увеличеніи окладовъ гербоваго сбора. Именно, простой гербовый сборъ въ 1 р. 25 к. повышается до 1 р. 50 к., пропорціональный сборъ низшаго оклада—съ 5 коп. за каждую сотню рублей суммы сдѣлки до 10 коп. и, наконецъ, сборъ съ процентныхъ бумагъ—съ 0,5% до 1% съ суммы этихъ бумагъ.

Разумѣется, какъ это у насъ въ такихъ случаяхъ принято, въ мотивахъ къ законопроекту¹⁾ сейчасъ же приводятся ссылки на Западную Европу. Но какія это ссылки... «Гербовый доходъ у насъ составляетъ только 3,8% общеналоговыхъ поступленій, тогда какъ въ государствахъ Западной Европы сборы, аналогичные нашему гербовому обложенію, дали въ 1906 г.: во Франціи 35,4% общихъ поступленій, въ Англіи—6,4%, въ Германіи—9,8%, въ Австріи—17,4%. При этомъ, обложеніе сборомъ на душу населенія ложится въ Россіи въ размѣрѣ 33 к., во Франціи—5 р. 53 к., въ Англіи—1 р. 62 к., въ Германіи—1 р. 51 к. и въ Австріи—2 р. 63 к.». Но, во-первыхъ, принятые въ расчетъ сборы, дѣйствующіе за границей, далеко не «аналогичны» нашему гербовому сбору; во-вторыхъ, обложеніе всѣми остальными налогами за границей

слишкомъ различно въ различныхъ странахъ и еще больше разнится отъ нашего, такъ что приводимыя министерствомъ цифры процентнаго отношенія доходовъ отъ гербоваго сбора къ суммѣ общихъ налоговыхъ поступленій не имѣютъ никакого значенія, какъ отношеніе величинъ несоизмѣримыхъ; въ-третьихъ, населеніе въ вышеуказанныхъ государствахъ Западной Европы гораздо богаче насъ, а, слѣдовательно, и болѣе платежеспособно, и намъ нечего съ ними и сравниваться: въ Западной Европѣ заботятся о томъ, чтобы налоги не были «обременительны» для населенія, а у насъ—если они «не слишкомъ обременительны», то и слава Богу.

Но составители законопроекта думаютъ иначе: они заявляютъ, что-де «одно сопоставленіе указанныхъ сравнительныхъ данныхъ приводитъ къ убѣжденію, что общее поступленіе гербоваго сбора въ Имперіи не соответствуетъ ни экономическому росту страны, ни значительно усилившемуся у насъ обращенію цѣнностей въ сферѣ гражданскаго оборота». Ну, а гдѣ же цифровыя данныя объ этомъ «экономическомъ ростѣ страны» и особенно о «значительно усилившемся (неизвѣстно—съ какого именно времени) обращеніи цѣнностей?» Ихъ нѣтъ, и, вмѣсто серьезныхъ вѣскихъ доводовъ, сыплются лишь пустыя разглагольствованія о несоответствіи точныхъ цифръ итоговъ обложенія простымъ фразамъ объ экономическомъ ростѣ страны и т. под. Какое же тутъ дѣйствительно можетъ быть соответствіе между цифрами и фразами?

Задавшись цѣлью усилить поступления отъ герб. сбора, мин-во фин-въ, помимо прямого повышенія ставокъ сбора, справедливо озабочивается и «надлежащею постановкою надзора за соблюденіемъ правилъ о герб. сборѣ», но, предполагая для этой цѣли пересмотрѣть дѣйствующаго устава, оно ни на мгновеніе не задумывается надъ тою простою истиною, что надлежащее исполненіе плательщиками правилъ о герб. сборѣ и успѣшный надзоръ за ихъ соблюденіемъ возможны лишь въ томъ единственномъ случаѣ, если самый уставъ изложенъ достаточно ясно. А въдѣ онъ составленъ до того плохо, что никто, кромѣ его составителей (а, пожалуй, и они сами), не въ состояніи разобратся въ немъ какъ слѣдуетъ. Плательщики—торговцы и промышленники хорошо знаютъ, съ какимъ трудомъ разбираются въ немъ сами податные инспектора. И немудрено.

Сочиненный кабинетными людьми, не знающими той жизни, въ которой онъ долженъ исполняться, герб. уставъ и не можетъ быть понятенъ для людей дѣла. Это—продуктъ головныхъ упражненій и умствованій, и потому все его построеніе слишкомъ искусственно и неясно. Ну развѣ торговцу не дико слышать, что далеко не всѣ покупки и продажи, которыя онъ совершаетъ, есть сдѣлки торговыя? И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не странно относить всю продажу мелочного торговца къ сдѣлкамъ неторговымъ?

¹⁾ См. объяснительную статью въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ с. г. № 49.

И развѣ цѣлесообразно заставлятъ купца ломать голову надъ такими вопросами, которыхъ часто и самъ законодатель не разрѣшитъ? Какъ, напр., оплатить покупку какихъ-нибудь продуктовъ, коихъ часть пойдетъ затѣмъ для перепродажи, а часть—на собственные нужды покупателя. Или пусть составители устава объясняютъ—почему покупка заводомъ топлива, стоимость коего входитъ вполнѣ въ цѣну выпускаемыхъ заводомъ продуктовъ, отнесена къ сдѣлкамъ торговымъ, перевозка тѣхъ же продуктовъ, стоимость которой также повышаетъ соответственно ихъ цѣну и, слѣд., тоже входитъ въ торговый оборотъ,—отнесена къ сдѣлкамъ неторговымъ? И почему, съ другой стороны, всякая сдѣлка, заключенная въ формѣ маклерской записки, считается сдѣлкою торговой? Почему наемъ судовъ для перевозки грузовъ облагается какъ сдѣлка торговая, хотя и наемъ всякаго рода имущества и перевозка грузовъ отнесены къ сдѣлкамъ неторговымъ?—Такихъ несообразностей въ уставѣ множество; и вотъ если отъ этихъ вопросовъ перейти къ практикѣ примѣненія устава, то и увидимъ, что и плательщикамъ, и податному надзору, и самому, наконецъ, министерству финансовъ предоставленъ полный произволъ въ его толкованіи.

Едва ли есть иной законъ, который такъ близко касался бы наиболѣе живой отрасли человѣческой дѣятельности, каковъ уставъ о герб. сборѣ; тѣмъ болѣе къ его составленію слѣдовало отнестись съ чрезвычайною осторожностью, памятуя, что его будутъ примѣнять главнымъ образомъ люди малограмотные: торговцы, приказчики, ремесленники и т. п. Но на это важное обстоятельство министерство упорно закрываетъ глаза. Говоря, что герб. сборъ неоднократно служилъ источникомъ для усиленія средствъ госуд. казначейства, и влѣдствіе этого неоднократно производился пересмотръ самого герб. устава», оно этимъ указываетъ, что для другихъ цѣлей герб. уставъ никогда не пересматривался. И теперь оно заявляетъ, что «предпринимаемый пересмотръ и дальнѣйшія измѣненія въ уставѣ о герб. сборѣ должны слѣдовать въ томъ же намѣченномъ въ настоящее время направленіи, а именно ставки сбора повышать тамъ, гдѣ окажется не слишкомъ обременительно для плательщиковъ всемѣрно облегчать способы уплаты герб. сбора и, наконецъ, расширить контроль за соблюденіемъ правилъ о герб. сборѣ». И вотъ и все. Замѣчая, что многія присутственныя мѣста, которыя обязаны наблюдать за правильною оплатою герб. сборомъ поступающихъ къ нимъ бумагъ, «сами едва ли обладаютъ достаточнымъ знакомствомъ съ герб. уставомъ», и приводя аналогичное этому замѣчаніе Высочайше учрежденной для предварительнаго обсужденія представленія министра фин.-въ комиссіи,—министерство финансовъ, тѣмъ не менѣе, не даетъ себѣ труда задуматься надъ вышеотмѣченнымъ явленіемъ:

чѣмъ же прежде всего это «недостаточное знакомство съ герб. уставомъ» объясняется? Что герб. уставъ необходимо передѣлать прежде всего для той цѣли, чтобы онъ былъ для всѣхъ ясенъ и простъ,—министерству финансовъ и въ голову не приходитъ.

Но зачѣмъ же тогда придумывать болѣе строгія мѣры предупрежденія нарушеній герб. устава, да еще обращаться за образцами къ другимъ странамъ? Вѣдь если за границей мѣры эти суровѣ нашихъ, за то тамъ изъ законовъ не дѣлаютъ загадокъ, и вопросъ—вполнѣ ли неуплативъ оплаченъ данный документъ, тамъ не вызываетъ сомнѣній, а у насъ—еще поди разберись въ немъ... Сочинить такой уставъ, въ которомъ нельзя разобраться ни плательщикамъ, ни агентамъ самого министерства, а затѣмъ измышлять строгія мѣры предупрежденія и назначать колоссальные штрафы за нарушение устава—по меньшей мѣрѣ нецѣлесообразно.

В. Сам-съ.

Право запросовъ въ III-ей думѣ.

I.

Третья государственная дума отличается не только работоспособностью; она отличается и большою послушностью и скромностью. Больше всего она боится затронуть не только подлинныя, но и кажущіяся прерогативы правительства. Еще нѣсколько дней тому назадъ, дума, хотя и большинствомъ всего 2 голосовъ, признала исключительной прерогативой правительства право распоряжаться десяти миллионнымъ фондомъ на непредвидѣнныя надобности. Скромной и послушной оказалась дума и въ вопросѣ объ исключеніи депутатовъ по требованію министра юстиціи.

Если всѣ эти уступки правительству, все болѣе и болѣе стремящемуся превратить думу въ департаментъ народного представительства при совѣтѣ министровъ, можно понять и объяснить опасеніями за свое существованіе, то очень трудно не только оправдать, но и понять постепенное сведеніе на нѣтъ и уничтоженіе одного изъ основныхъ правъ всякаго парламента—права запросовъ. А между тѣмъ третья дума поставила приватіе и обсужденіе запросовъ въ такія рамки, что самое право запросовъ стало иллюзорнымъ. Въ положеніи о думѣ право запросовъ поставлено значительно уже, чѣмъ въ любой европейской конституціи. Статьи, трактующія о вопросахъ и запросахъ, перенесены изъ положенія 6 августа въ совершенно неизмѣненномъ видѣ. А вѣдь что имѣло смыслъ по отношенію

къ законсовѣщательной думѣ, то потеряло смыслъ по отношенію къ думѣ законодательной.

Въ меморіи совѣта министровъ о проектѣ учрежденія гос. думы, выработанномъ Булыгинымъ, мы читаемъ слѣдующее по поводу запросовъ: «Подобное уполномочіе (предоставленіе думѣ права запрашивать министровъ) не можетъ почитаться позаимствованіемъ существующаго въ западно-европейскихъ государствахъ права интерпелляціи, принадлежащаго палатамъ народныхъ представителей. Право сіе на Западѣ есть орудіе борьбы политическихъ партій и средство надзора за дѣятельностью исполнительной власти не только съ точки зрѣнія законности, но и со стороны политической цѣлесообразности ея дѣйствій. У насъ же, гдѣ назначеніе и увольненіе министровъ отъ должностей и впредь должны имѣть мѣсто по непосредственному Высочайшему соизволенію и гдѣ верховный надзоръ за цѣлесообразностью дѣйствій администраціи принадлежитъ одному Государю Императору, дума въ этомъ дѣлѣ не должна имѣть участія». Думѣ положеніемъ 6 августа предоставлено было, такимъ образомъ, узкое право надзора за законностью дѣйствій властей, наравнѣ съ сенатомъ и право повергать на Высочайшее благоозрѣвіе свои заключенія о неувѣлительности объясненій министра (ст. 60). Дума стала законодательной, получила право надзора, стала ареной политической борьбы партій, но право запросовъ осталось неизмѣннымъ сравнительно съ положеніемъ 6 августа и обставленнымъ цѣлымъ рядомъ трудностей, не существующихъ нигдѣ, кромѣ Россіи. Начнемъ съ предметовъ запроса. Нигдѣ, кромѣ какъ у насъ, право запросовъ не ограничено одной только областью незаконности. И это не только въ тѣхъ странахъ, гдѣ право запросовъ выросло исторически изъ отвѣтственности кабинета и гдѣ оно регулировано обычнымъ правомъ, но и тамъ, гдѣ оно предоставлено палатамъ конституціей. Практически на Западѣ установилось слѣдующее положеніе: всѣ явленія публичной жизни: правовой, политической и социальной, которыя входятъ въ компетенцію палаты постолько, поскольку эти явленія находятся въ сферѣ воздѣйствія правительства, могутъ явиться матеріаломъ для запросовъ. Послѣдніе могутъ касаться и внѣшней и внутренней политики, и взглядовъ правительства и предположенныхъ мѣръ и т. д.

У насъ ст. 33 полож. о думѣ ограничиваетъ предметы запроса незаконными дѣйствіями. Какъ бы нецѣпа и вредна ни была та или другая мѣра, но разъ она имѣетъ тѣнь законности, дума не можетъ вносить о ней запроса. Далѣе, иностранная политика изъята изъ компетенціи думы, а, слѣдовательно, недопустимы запросы объ иностранной политикѣ. Наконецъ, дума можетъ запрашивать только о дѣйствіяхъ учреждений, подвѣдомственныхъ сенату. Мы увидимъ ниже, что на этомъ основаніи III дума изъяла изъ сферы права запросовъ всѣ дѣйствія духовныхъ властей.

Право интерпеллировать можетъ быть предоставлено или каждому члену палаты (какъ въ Англіи и Франціи), или группѣ депутатовъ (въ Пруссіи и германскомъ рейхстагѣ 30, въ австрійской палатѣ депутатовъ 15, палатѣ господъ 10 и т. д.), или всей палатѣ, т. е. большинству ея (какъ въ Даніи и Голландіи). Но и въ Даніи и въ Голландіи инициаторомъ запроса можетъ явиться каждый отдѣльный депутатъ, а отъ палаты зависитъ только принять или отвергнуть запросъ.

У насъ ст. 58. учр. думы требуется и письменное заявленіе 30 членовъ думы и принятіе заявленія о запросѣ большинствомъ. Иными словами, учр. думы устанавливается двойная преграда. Мы увидимъ дальше, что гос. дума отъ себя прибавила третью и самую страшную въ рукахъ 3-й думы преграду, о которой правительству и не мечтало, — комиссію по запросамъ.

Наконецъ, срокъ отвѣта со стороны интерпеллированнаго министра. Само собою разумѣется, что ни одному западно-европейскому законодателю и ни одному изъ составителей западно-европейскихъ парламентскихъ регламентовъ не приходила въ голову мысль о необходимости защиты права запросовъ отъ самой палаты, ибо трудно предположить, чтобы сама палата поставила своей цѣлью уничтожить одно изъ существеннѣйшихъ своихъ правъ погребеніемъ запросовъ въ недрахъ комиссіи и архивѣ президіума. Поэтому ни въ одномъ регламентѣ я не нашелъ указаній на срокъ, когда внесенный и принятый запросъ долженъ быть поставленъ на обсужденіе палаты. Нѣтъ такого указація, къ сожалѣнію, въ наказѣ думы. Предполагается, конечно, что если кому выгодно иногда затянуть обсужденіе запроса, то это правительству, и потому надо оградить палату отъ проволочекъ со стороны власти. По самой своей сущности, запросъ, касающійся при нормальномъ и даже ненормальномъ теченіи жизни опредѣленнаго акта, опредѣленной незаконной, а въ Европѣ и нецѣлесообразной, мѣры, имѣетъ своей цѣлью возможно скорѣе устранить ближайшія и непосредственныя послѣдствія данной мѣры или даннаго акта. Съ этой точки зрѣнія палаты всегда стремятся возможно больше сократить срокъ, предоставляемый министру для отвѣта. Грѣши былъ правъ, когда на требованіе одного изъ министровъ отложить обсужденіе запроса на 4 мѣсяца, заявилъ, въ качествѣ президента палаты депутатовъ, что такая отсрочка была бы равносильна «настоящей конфискаціи права запросовъ. Назначеніе срока для отвѣта не должно быть обходнымъ средствомъ для того, чтобы задуть право запросовъ»¹⁾. И во Франціи отсрочка запроса на максимальный срокъ — мѣсяць считается отклоненіемъ или точнѣе погребеніемъ запроса. Европейецъ былъ бы крайне изумленъ, если бы ему

¹⁾ Pierre, p. 798.

указали, что запросъ можетъ обсуждаться черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ его внесенія, ибо это означало бы, что незаконный актъ или мѣра дѣйствовали 18 мѣсяцевъ, причиняя вредъ. Право запросовъ есть средство контроля надъ дѣйствіями власти, но вовсе не средство измененія закона. Имъ имѣется въ виду изменить не законъ, а лишь одну или нѣсколько однородныхъ мѣръ, принятыхъ въ данный опредѣленный моментъ.

Учрежденіе думы установило (ст. 59) мѣсячный срокъ со дня передачи министру принятаго запроса для отвѣта и въ этомъ отношеніи нашъ законъ не установилъ черезчуръ продолжительнаго срока: во Франціи этотъ срокъ установленъ въ мѣсяцъ, въ Австріи въ недѣлю и т. д. Только въ Бельгіи срокъ установленъ въ 8 дней, а въ Англіи интерпеллянтъ можетъ установить день, въ который онъ желалъ бы получить отвѣтъ.

Таково теоретическое построеніе права запроса въ учрежденіи думы. Но кромѣ запросовъ, думѣ ст. 40 предоставлено право обращаться къ министрамъ и съ вопросами («за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ»). Право предьявленія такихъ вопросовъ, которые имѣютъ цѣлью информацію палаты о мѣрахъ или взглядахъ правительства, Зейдель называетъ «естественнымъ правомъ» всякаго парламента. Предьявленіе вопросовъ именно потому, что оно преслѣдуетъ цѣли освѣдомленія, не регулируется нигдѣ ни закономъ, ни регламентомъ. Нужно сказать, что и ст. 40 не устанавливаетъ ни порядка внесенія вопросовъ (нѣтъ указанія на необходимость 30 подписей подъ заявленіемъ о вопросѣ; нѣтъ также, какъ въ ст. 58, указанія на необходимость письменной формы для вопроса), ни срока для отвѣта. Сказано только, что министры могутъ отказать отъ дачи разъясненій, но это относится и къ запросамъ. Законодатель отдѣляя, конечно, вопросы отъ запросовъ, придавая первымъ значеніе второстепенное и давая поэтому думѣ и правительству извѣстную свободу дѣйствій.

Посмотримъ теперь, во что обращено практикой 3-й думы и право запросовъ, и право вопросовъ.

II.

Я начну съ вопросовъ по ст. 40. Наказъ 3-ей думы отводитъ порядку разсмотрѣнія вопросовъ два параграфа 100 и 101. § 100 постановляетъ, что «заявленія объ обращеніи къ министрамъ или главноуправляющимъ въ порядкѣ ст. 40 учр. гос. думы вносятся въ гос. думу либо комиссіями... либо отдѣльными членами гос. думы за подписью не менѣе 30 человѣкъ». § 101 требуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздачи заявленія въ печатномъ видѣ и допускаетъ передачу вопроса на предварительное разсмотрѣніе комиссіи.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту наказа я, къ сожалѣнію, не нашелъ никакихъ

указаній на то, чѣмъ руководились авторы его, устанавливая совершенно новое, не установленное закономъ ограниченіе правъ отдѣльныхъ членовъ думы. Требуя и для вопросовъ письменнаго заявленія и 30 подписей, авторы наказа очевидно приравнивали безъ всякаго основанія вопросъ, служащій лишь для информаціи, къ запросу о незаконности. Теоретически вопросъ исчерпывается отвѣтомъ министра и никакихъ дебатовъ не долженъ вызывать. Между тѣмъ требованіе 30 подписей не только усложняетъ процедуру предьявленія вопроса, но и составляетъ существенное самоограниченіе палаты и посягательство на весьма ограниченныя права каждаго депутата. Въ думѣ есть 4 фракціи, число членовъ которыхъ менѣе 30. Устанавливая указанное выше ограниченіе, наказъ лишаетъ эти небольшія, но представляющія или цѣль народности (какъ коло, мусульмане), или крупныя общественныя теченія (с.-д., трудовики) фракціи не только возможности предьявить запросъ, что установлено закономъ, но и возможности поставить министру вопросъ. Такая ничѣмъ не вызванная готовность ограничивать права отдѣльныхъ членовъ думы тѣмъ болѣе страшна, что наказъ даетъ право ставить вопросы комиссіямъ, а въдѣ есть комиссіи и въ 22 и даже въ 11 человѣкъ. Почему 11 человѣкъ, собранные въ видѣ комиссіи, должны имѣть больше правъ, чѣмъ тѣ же 11 человѣкъ, собранные въ видѣ фракціи, непонятно.

Во временныхъ правилахъ первой думы, принятыхъ постановленіями 27 мая, 6 и 15 іюня указывалось, что «подаваемая предсѣдателю гос. думы заявленія о запросахъ (ст. 33, 40 и 58)...» Къ этимъ правиламъ С. А. Муромцевымъ сдѣлано слѣдующее глубоко вѣрное примѣчаніе: «недочетъ этихъ правилъ состоитъ въ томъ, что они, безъ видимой надобности, заявленія, возникающія въ порядкѣ ст. 40 учр. гос. думы, отождествляютъ съ заявленіями, возникающими въ порядкѣ ст. 58»¹⁾. Въ главѣ VII проекта наказа первой думы этого отождествленія уже нѣтъ. § 137 проекта устанавливаетъ, что заявленія въ порядкѣ ст. 40 учр. гос. думы вносятся въ письменномъ изложеніи или комиссіями, или отдѣльными членами гос. думы. Можно только пожалѣть, что комиссіи по наказу 3-ей думы, во главѣ которой стоялъ такой опытный юристъ, какъ В. А. Маклаковъ, отступила въ этомъ случаѣ отъ проекта наказа первой думы и ограничивала права думы.

Весьма понятно, что, ограничивъ самое себя въ области вопросовъ, дума подвергла ихъ той же печальной участи, что и запросы. Понятно, что и правительство поспѣшило съ своей стороны ограничительно истолковать право вопросовъ. Отвѣчая на вопросъ о видахъ на урожай въ засѣданіи 25 іюня 1908 г., начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, говорившій по порученію предсѣдателя совѣта

¹⁾ Внутренній распорядокъ гос. думы стр. 68.

министровъ, заявилъ слѣдующее: «По силѣ ст. 40 учр. Г. Д., дума можетъ обращаться... за разъясненіями, касающимися непосредственно разсматриваемыхъ думою дѣлъ. Между тѣмъ въ разсмотрѣніи думы нѣтъ въ настоящее время дѣла, непосредственно относящагося до состоянія будущаго урожая, а потому обращенный къ министру внутрен. дѣлъ вопросъ не можетъ обязывать правительство къ сообщенію требуемыхъ разъясненій»¹⁾. Такое стремленіе истолковать право спрашивать министровъ въ очень ограниченномъ смыслѣ лишь по связи съ проектами и дѣлами, находящимися въ данный моментъ на разсмотрѣніи думы, значительно суживаетъ предѣлы вопросовъ. Можетъ случиться, что на разсмотрѣніи думы въ данный моментъ какъ разъ не окажется проекта, касающагося обороны страны, эпидеміи и т. д., и дума лишится при толкованіи правительства возможности быть освѣдомленной о весьма важныхъ и интересующихъ широкіе круги явленіяхъ. Никакихъ основаній толковать ст. 40 такъ ограничительно нѣтъ, и въ томъ же засѣданіи А. И. Шингаревъ протестовалъ противъ толкованія правительства, причемъ самъ истолковалъ ст. 40 въ смыслѣ права требовать отвѣты на вопросы, касающіеся дѣлъ, входящихъ въ компетенцію думы. Протестъ г. Шингарева не былъ, однако, выраженъ въ видѣ формулы, и какъ толкуетъ сама дума свои права, остается и теперь неизвѣстнымъ. За время съ 1 ноября 1907 г. по 18 декабря 1909 г. было внесено 12 вопросовъ и 2 запроса превращены комиссіей по запросамъ въ вопросы.

Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не обсуждался безъ заключенія комиссіи. Все они были переданы въ комиссію по запросамъ: продовольственную (1), финансовую (3), бюджетную и о борьбѣ съ пьянствомъ (1). Изъ 14 вопросовъ обсуждались въ пленумѣ думы и полученные объясненія правительства лишь по четыремъ; по тремъ объясненія присланы или давались въ комиссіяхъ. Остальные вовсе не обсуждались въ думѣ и погибли съ комиссіяхъ. Характерно, что по одному вопросу о металлургическомъ трестѣ октябристы, одновременно съ внесеніемъ его, принялись за закулисныя ходатайства, и, когда это ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, о вопросѣ забыли, хотя обществу было бы чрезвычайно важно знать взглядъ правительства на синдикатъ.

По поводу вопроса о турецкомъ военномъ вознагражденіи бюджетная комиссія, несмотря на протесты правыхъ, рекомендовала думѣ обратиться съ вопросомъ къ министру иностранныхъ дѣлъ. Докладъ бюджетной комиссіи, неизвѣстно почему, на обсужденіе думы не попалъ и потому принципиально важное предложеніе, касающееся возможности запрашивать министра иностранныхъ дѣлъ, осталось безъ разсмотрѣнія.

По поводу вопроса о пожарѣ на Обуховскомъ заводѣ дума признала необходимой особую комиссію для ревизіи завода. Пожеланіе думы осталось невыполненнымъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ни одинъ принципиально важный вопросъ до обсужденія думы не дошелъ. Третья дума даже въ отношеніи вопросовъ считаетъ нужнымъ наиболее важные, неприятные или неудобные изъ нихъ замалчивать.

Нижеслѣдующая таблица наглядно рисуетъ печальную участь вопросовъ въ 3-ей думѣ.

Вопросъ	Время внесенія въ думу.	Обсуждался и даны объясненія.	Промежутокъ.
О богарныхъ земляхъ	декабрь 1907 г.	7 марта	3 мѣсяца.
О дорожныхъ прокуратурѣ въ городахъ	декабрь 1907 г.	не обсуждался	
О металлургическомъ трестѣ	3 апрѣля 1908 г.	не обсуждался	
О пожарѣ на Обуховскомъ заводѣ	22 "	20 мая 1908 г.	1 мѣсяцъ.
О катасстрофѣ на Шпалерной	26 "	20 ноября 1908 г. ¹⁾	7 мѣсяцевъ.
О неакрытыхъ винной данни въ самарск. губ.	10 ноября	не обсуждался	
О продажѣ акцій владимирскаго шоссе и о неукрепленіи этой дороги	17 декабря 1908 и ноября 1909 г.	снять авторама, а продать думой, но по списку не обсуждался	
О наводненіи	13 марта 1909 г.	не обсуждался	
О турецкомъ займѣ	12 "	не обсуждался	
О тифѣ среди переселенцевъ	26 мая 1909 г.	не обсуждался	
О нарушеніи 96 ст. озн. зак.	10 октября 1909 г.	не обсуждался	
О положеніи уральскихъ рабочихъ	8 мая 1908 г.	не обсуждался	
О катасстрофѣ въ Юзовкѣ	21 "	20 ноября	7 мѣсяцевъ.

Еще болѣе печальна судьба запросовъ, къ разсмотрѣнію которой я перейду въ слѣдующей статьѣ.

Л. Немановъ.

¹⁾ Стеногр. отчетъ сессіи I стр. 4201.

¹⁾ Письменные объясненія.

Испытательная отсрочка наказания и присяжные.

Разсматривая 28 октября законопроект своей комиссией по судебным реформам об отсрочкѣ наказания, государственная дума, послѣ долгихъ преній, одобрила 16-ю статью этого проекта¹⁾. Эта статья, на сильно ограничительныхъ условіяхъ, предоставляетъ коллегіи присяжныхъ засѣдателей право признанія примѣнимости отсрочки наказания къ виновному и дѣлаетъ это признаніе обязательнымъ къ исполненію для суда. Если коллегія присяжныхъ, соблюдая всѣ надлежащія ограничительныя условія, признала виновнаго достойнымъ отсрочки наказания, то коллегія коронныхъ судей уголовного суда съ присяжными, присудивъ это лицо къ наказанію, обязана сдѣлать въ своемъ приговорѣ постановленіе об отсрочкѣ приведенія этого наказания въ исполненіе, на установленный трехлѣтній или пятилѣтній срокъ (законопр. ком. ст. 2).

Очень многія изъ культурныхъ государствъ нашего времени предоставляютъ право испытательной отсрочки наказания суду, но ни одно изъ нихъ не вручаетъ этого права присяжнымъ засѣдателямъ²⁾.

При такомъ положеніи вещей ясно, что рѣшеніе государственной думы о предоставленіи права испытательной отсрочки наказания присяжнымъ засѣдателямъ обезпечиваетъ Россіи честь почина въ важномъ дѣлѣ.

Отсутствіе указаній опыта иностранныхъ государствъ относительно надѣленія присяжныхъ засѣдателей правомъ испытательной отсрочки наказания не можетъ служить основаніемъ къ отрипанію проектируемаго надѣленія нашихъ присяжныхъ этимъ правомъ. Проектируемая реформа должна быть основательно обсуждена и оцѣнена по существу.

Присяжные засѣдатели, будучи мѣстными жителями и членами различныхъ классовъ населенія, обыкновенно прекрасно знаютъ условія мѣстной жизни, а нерѣдко и самихъ обвиняемыхъ, съ ихъ бытовой обстановкой.

Присяжный, занимаясь отправленіемъ своихъ судебныхъ обязанностей не болѣе одной сессіи въ теченіе года, обыкновенно относится къ исполненію ихъ съ полной добросовѣстностью, живымъ интересомъ и стремленіемъ къ правдивому рѣшенію вопроса виновности.

У присяжнаго, благодаря отсутствію долговремен-

ной судебской практики, нѣтъ ни стремленія къ рѣшенію однородныхъ дѣлъ по одному шаблону, ни сложившихся предвзятыхъ убѣжденій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у присяжныхъ нѣтъ и предварительнаго знакомства съ письменнымъ производствомъ по давнему дѣлу. Они обыкновенно судятъ о дѣлѣ по доказательствамъ, разсмотрѣннымъ и провѣреннымъ на судебномъ слѣдствіи и освѣщеннымъ рѣчами сторонъ и объясненіями предсѣдателя.

При такихъ условіяхъ, коллегія присяжныхъ засѣдателей гораздо способнѣе единоличныхъ профессиональныхъ судей и ихъ коллегій къ правильному рѣшенію вопросовъ не только о виновности, но и о степени нравственной испорченности виновнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса о томъ, есть ли разумное основаніе ожидать хорошихъ результатовъ отъ оставленія виновнаго на испытаніи, подѣ угрозой немедленнаго привлеченія къ отбытію присужденнаго наказания, съ надеждой на полное избавленіе отъ этой кары.

Но нѣтъ ли постороннихъ препятствій къ надѣленію присяжныхъ правомъ испытательной отсрочки наказания.

На этотъ вопросъ нельзя не отвѣтить отрицательно.

Въ самомъ дѣлѣ, пока обвиняемый въ преступленіи или проступкѣ еще не признанъ виновнымъ, до тѣхъ поръ и поднимать на судѣ вопросъ объ оставленіи этого лица на испытаніи на освобожденіе отъ наказания не умѣстно. Прежде всего это лицо можетъ быть совершенно не виновно въ приписываемомъ ему преступномъ дѣяніи. А кромя того, въ случаѣ виновности, могутъ исчезнуть или ослабѣть въ теченіе испытанія доказательства, разъясняющія характеръ и степень виновности этого лица.

Но когда обвиняемый уже признанъ виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи или проступкѣ; съ этого времени возбужденіе вопроса объ оставленіи этого лица на испытаніи является вполне умѣстнымъ, и законодателю слѣдуетъ опредѣлить, какимъ уголовнымъ судамъ или судебнымъ коллегіямъ надлежитъ ставить этотъ вопросъ до и какимъ послѣ присужденія обвиненной личности къ заслуженному наказанію.

Англія и большинство изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ предоставляютъ право постановки этого вопроса уголовнымъ судамъ до присужденія обвиненной личности къ заслуженному наказанію и, такимъ образомъ, учреждаютъ испытаніе преступника на освобожденіе отъ присудимаго наказания.

Огромное же большинство дѣйствующихъ континентальныхъ европейскихъ культурныхъ законодательствъ ввѣряетъ уголовнымъ судамъ право постановки этого вопроса только по присужденіи обвиненной личности къ заслуженному наказанію и, такимъ образомъ, устанавливаетъ испытаніе преступника на освобожденіе отъ присужденнаго наказания.

Для Россіи испытаніе преступника на освобожденіе отъ присужденнаго наказания гораздо предпочтительнѣе испытанія на освобожденіе отъ присудимаго наказания. Последняя мѣра хороша только при ши-

¹⁾ Комиссія по судебнымъ реформамъ. № 310. 1/III. Проектъ министра юстиціи объ условномъ осужденіи. Докладчикъ М. С. Аджемовъ, стр. 10. Законопроектъ комиссіи, ст. 16.

²⁾ А. Пюнтковскій—Объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія. Одесса, 1894.—А. А. Жижиленико—Условное осужденіе по иностраннымъ законодательствамъ. Журналъ Министерства Юстиціи. Спб. 1897, № 5.—П. П. Пусторослевъ—Иностранныя системы освободительнаго испытанія преступниковъ. Юрьевъ, 1905. См. Ученыя записки Императорскаго Юрьевского университета. 1906, № 3.—Fr. von Liszt—Bedingte Verurteilung und bedingte Begnadigung. Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Allgemeiner Teil. III Band. Berlin. 1908.

рокомъ участіи специально учрежденныхъ органовъ испытанія въ отправленіи уголовного правосудія. Въ Россіи же этотъ институтъ отсутствуетъ. А при отсутствіи его или даже при очень ограниченномъ его распространеніи, испытаніе преступника на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія заслуживаетъ предпочтенія. Хотя здѣсь и вносится значительно меньше сокращенія въ дѣятельность уголовного суда по отправленію уголовного правосудія, за то устраняется опасность, могущая произойти съ теченіемъ времени отъ исчезновенія и ослабленія доказательствъ, разъясняющихъ характеръ и степень виновности, и значительно ограничивается возможность неосновательной судейской снисходительности къ преступникамъ.

Эти обстоятельства, имѣющія рѣшающее значеніе въ наше время, при выборѣ для нашихъ уголовныхъ судовъ между испытаніемъ виновнаго на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія и испытаніемъ на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, нисколько не препятствуютъ врученію права испытательной отсрочки наказанія присяжнымъ засѣдателямъ.

Прежде всего, нельзя не отмѣтить, что коронная коллегія суда, выслушавъ заявленіе коллегіи присяжныхъ засѣдателей о примѣнимои отсрочки наказанія къ виновному, сдѣлаетъ свое постановленіе объ отсрочкѣ только тогда, когда уже присудить виновному наказаніе. Кромѣ того, согласно 16-й статьѣ коммисіоннаго законопроекта, «въ протоколъ засѣданія, въ такомъ случаѣ, судъ вноситъ, кромѣ обычнаго матеріала, еще и всѣ свѣдѣнія, выяснившіяся на судѣ о личности подсудимаго и его прошломъ».

Далѣе, нельзя упустить изъ виду, что право испытательной отсрочки наказанія проектируется для присяжныхъ засѣдателей только въ тѣхъ случаяхъ, когда «наказаніе, угрожающее подсудимому по закону или въ случаѣ дачи снисхожденія», можетъ быть назначено уголовнымъ судомъ не выше узаконенныхъ ограничительныхъ предѣловъ, съ соблюденіемъ всѣхъ прочихъ ограничительныхъ условій (законопроектъ ком. ст. 16). А при такомъ ограниченіи проектируемаго права присяжныхъ, опасность слишкомъ щедраго пользованія этимъ правомъ очень сильно понижается.

Кромѣ того, ее можно понизить еще и тѣмъ, что обязать предсѣдателя суда разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ тѣ признаки, по которымъ слѣдуетъ судить, достоинъ ли виновный оставленія на испытаніи на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія или нѣтъ¹⁾.

Но въ установленіи валичности этихъ признаковъ присяжные не должны давать никому никакого отчета. Рѣшеніе присяжныхъ—дѣло ихъ совѣсти и ни въ какомъ отношеніи мотивировкѣ не подлежитъ.

Наконецъ, надбѣлая коллегію присяжныхъ засѣдателей правомъ испытательной отсрочки наказанія,

¹⁾ Признаковъ умѣнности испытанія можетъ быть два: 1) нравственная неспорченность или, по крайней мѣрѣ, небольшая нравственная испорченность виновнаго и 2) большая вѣроятность удержанія этой личности отъ дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, путемъ испытанія, безъ приведенія заслуженныхъ наказаній въ исполненіе.

мы должны предвидѣть возможность и такихъ случаевъ, гдѣ присяжные признаютъ обвиняемаго виновнымъ въ преступленіи или проступкѣ, не допускающемъ, по ограничительнымъ постановленіямъ закона, никакой испытательной отсрочки наказанія, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствуя по разуму и совѣсти, на основаніи правильнаго примѣненія признаковъ умѣнности испытанія, придуть къ убѣжденію, что, въ видѣ исключенія, и этотъ виновный достоинъ испытанія. Чтобы дать коллегіи присяжныхъ засѣдателей достойный, правильный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, необходимо въ этихъ случаяхъ предоставить ей право ходатайства, при посредствѣ суда и министра юстиціи, передъ Государемъ Императоромъ объ оставленіи виновнаго на испытанія на освобожденіе отъ заслуженнаго наказанія. Представленіе этого ходатайства коллегіи присяжныхъ судомъ министру юстиціи, а министромъ юстиціи Государю Императору должно быть признано обязательнымъ.

II. Пуэторослевъ.

О порядкѣ удовлетворенія конкурсомъ долговъ администраціи и по облигаціямъ акціонерныхъ обществъ.

Во всѣхъ уставахъ акціонерныхъ обществъ, обладающихъ правомъ выпуска облигацій, а также и въ условіяхъ выпуска облигацій, указаны гарантіи, присвоенныя держателямъ облигацій. Гарантіи эти состоятъ въ томъ, что 1) облигаціи выпускаются по наложеніи на все имущество о-ва запрещенія въ полной суммѣ облигаціоннаго долга, причемъ имущество это должно быть очищено отъ всѣхъ, могущихъ лежать на ономъ долговъ, причемъ о-во послѣ выпуска сихъ облигацій не можетъ совершать никакихъ другихъ закладныхъ на принадлежащее ему имущество, впредь до полнаго погашенія облигаціоннаго долга, 2) если въ какой либо годъ доходы о-ва оказались бы недостаточными для уплаты процентовъ и погашенія по облигаціямъ и недостающая сумма не могла быть покрыта изъ имѣющагося запаснаго капитала, или изъ иныхъ источниковъ, то для уплаты всего облигаціоннаго долга обращаются въ продажу сначала движимое, а потомъ и недвижимое имущество и 3) владѣльцы облигацій удовлетворяются преимущественно передъ прочими кредиторами о-ва, за исключеніемъ долговъ, причисленныхъ къ 1 разряду по пп. 1, 2, 4, 10 ст. 599 уст. суд. торг. Казалось бы, облигаціонеръ можетъ почитать себя вполне обеспеченнымъ отъ вторженія третьихъ лицъ въ сферу его правъ на все движимое и недвижимое имущество отвѣтственнаго по облигаціи о-ва. На практикѣ, однако, облигаціонеру приходится столкнуться съ такими кредиторами, которые оспариваютъ право преимущественнаго за нимъ удовлетворенія изъ всей имущественной массы о-ва. Таковыми кредиторами являются лица, ссужавшія деньги администраціи, учрежденной по дѣламъ от-

вѣтственного по облигаціи о-ва. Прибѣгая для восстановления дѣла впавшихъ въ неоплатность должниковъ къ новымъ займамъ, администрація большей частью не возвращаетъ должникамъ предиріятія, очищеннаго отъ долговъ, а, наоборотъ, служитъ лишь переходной стадіей къ объявленію несостоятельности и учрежденію конкурснаго управленія. Въ такомъ случаѣ приходится изъ конкурсной массы удовлетворять не только кредиторовъ самого должника, но и кредиторовъ предшествовавшей конкурсному управленію администраціи. Спрашивается, какъ надлежитъ отнестись къ послѣднимъ: ставить ли ихъ въ равное положеніе съ кредиторами должника, или признать ихъ кредиторами самой массы? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что кредиторы администраціи не могутъ быть приравнены къ кредиторамъ самого должника, ибо сіи лица, давая взаимны деньги, оказывали довѣріе не должнику, устранившему отъ завѣдыванія дѣлами съ момента учрежденія администраціи, а кредиторамъ должника и имущественной массѣ, перешедшей въ ихъ управленіе. Кредиторы администраціи должны быть отождествляемы съ кредиторами конкурсной массы. Вѣдь фактически должникъ уже въ моментъ учрежденія администраціи является несостоятельнымъ и таковымъ его считаетъ и законъ и твердо установленная практика правительствующаго сената, какъ по судебному, такъ и по гражданскому кассационному департаментамъ. Такъ положеніе объ администраціяхъ по дѣламъ торговымъ помѣщено въ уставѣ о несостоятельности. Затѣмъ цѣлый рядъ статей подтверждаетъ, что администрація учреждается надъ дѣлами несостоятельнаго должника. Ст. 490 уст. о несост., говоря, что дефицитъ должника долженъ простираться не свыше 50 проц., тѣмъ самымъ указываетъ, что учрежденію администраціи предшествуетъ наличіе признаковъ несостоятельности, приведенныхъ въ ст. 479 уст. о несост. Затѣмъ цѣлый рядъ рѣшеній по судебн. деп. (сб. рѣш. кас. III т. 94—1217, 80—940, 5—325, 83—2646 и 1888 г. по дѣлу Курикова) говоритъ: «администрація принимаетъ на себя обязанность удовлетворить своего кредитора въ извѣстный срокъ полнымъ рублемъ изъ имущества, составляющаго администраціонную массу. Такое различіе правъ кредитора администраціи по отношенію къ администраціонной массѣ отъ правъ на оную кредиторовъ должника остается въ полной силѣ и при формальномъ открытіи несостоятельности должника и превращеніи администраціи въ конкурсъ, который вслѣдствіе сего по обращеннымъ къ этой, находящейся въ его управленіи имущественной массѣ требованіямъ, является уже не судебнымъ мѣстомъ, постановляющимъ по нимъ свои опредѣленія, а не болѣе, какъ стороною въ дѣлѣ,—въ качествѣ представителя массы. Рѣшеніе же гражд. касс. деп. прав. сената 1905 г. № 112 идетъ еще дальше и говоритъ: «удовлетвореніе долга администраціи не можетъ производиться въ конкурсномъ порядкѣ, потому что въ конкурсномъ порядкѣ удовлетворяются долги лица, объявленнаго несостоятельнымъ, но не долги существовавшей по дѣ-

ламъ его администраціи, сдѣланные не должникомъ и не по его уполномочію. Поэтому кредиторы администраціи и не обязаны заявлять свои претензіи въ порядкѣ, постановленномъ ст. 509 уст. суд. торг. для кредиторовъ несостоятельнаго должника. Удовлетвореніе они получаютъ въ общественномъ порядкѣ взысканія».

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдъ управленіе (администрація), учреждаемое надъ дѣлами несостоятельнаго должника, составляется изъ избираемыхъ кредиторами лицъ, обязанныхъ во всемъ дѣйствовать согласно выданному имъ кредиторами полномочію. Такимъ образомъ съ момента учрежденія администраціи кредиторы, какъ и при конкурсѣ, становятся полными хозяевами дѣла несостоятельнаго должника, почему совершенно отпадаетъ ответственность должника за дѣйствія администраціи. Если считать, что за долги администраціи отвѣчаютъ не кредиторы, а сами должники, то мы пришли бы къ абсурдному выводу, что кредиторы должника могутъ вполне законно обогащаться за счетъ третьихъ лицъ, увеличивая путемъ займовъ администраціонную массу.

Твердо установленное правило удовлетворенія во вѣдъ конкурсномъ порядкѣ обезпечивало бы кредиторовъ администраціи отъ нарушенія ихъ правъ со стороны держателей облигацій, если бы послѣдніе не отождествляли себя съ залогодержателями. Но это приравниваніе облигаціонеровъ къ залогодержателямъ является совершенно неправильнымъ и не находитъ себѣ подтвержденія ни въ X томѣ, ни въ условіяхъ выпуска облигацій. Аналогія равнозначныхъ правъ допустима только при тождественности существа и природы сихъ правъ. Характеръ залогового права и анализъ составныхъ моментовъ облигаціоннаго и залогового права исключаетъ возможность аналогіи между ними.

О характерѣ залогового права въ литературѣ существуетъ три мнѣнія: 1) залоговое право—право вещное. 2) залоговое право—право вещнообязательственное (двойственное), и 3) залоговое право—вещное право требованія. Послѣднее опредѣленіе характера залогового права можно считать въ настоящее время наиболѣе правильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, залогъ недвижимости есть договоръ займа, обезпеченный только недвижимостью. Никакого вещнаго права, т. е. господства надъ вещью, выражающагося во владѣніи, распоряженіи и пользованіи ею, залогодержатель не имѣетъ. Залогодатель остается, какъ прежде, полнымъ собственникомъ и хозяиномъ заложеннаго имущества. Залогодержатель имѣетъ лишь право требованія занятыхъ денегъ, и лишь въ случаѣ неисполненія сего залогодателемъ, онъ можетъ пріобрѣсти имущество, обезпечивающее договоръ займа. Такимъ образомъ залогъ есть право требованія, или, какъ выражается господствующая германская доктрина, «ein dingliches Forderungsrecht».

Ни подъ одно изъ этихъ опредѣленій нельзя подвести облигаціоннаго права. Надлежитъ задать себѣ

вопросъ, содержитъ ли право облигаціонера тѣ характерныя моменты, которые выражаютъ существо и особую природу залогового права. Такими моментами являются: 1) объектъ залогового права; 2) его содержаніе; 3) форма и 4) искъ.

1) Объектомъ залогового права служитъ опредѣленная вещь, обладающая имущественной стоимостью. Между тѣмъ облигаціи обезпечиваются всѣмъ имуществомъ о-ва, не только наличнымъ, но и приобретаемымъ впоследствии, другими словами не только конкретнымъ имуществомъ, какъ это требуется природою залогового права, но и абстрактнымъ, могущимъ быть или не быть.

2) Содержаніе закладнаго права составляетъ то господство, ту власть, которую залогодатель имѣетъ надъ заложенымъ объектомъ. Господство, получаемое залогодателемъ, состоитъ въ правѣ продажи и оставленія за собою заложенаго имущества въ случаѣ невыручки суммы долга по закладной. Но облигаціонеры этого послѣдняго права не имѣютъ.

3) Форма залогового права—закладная крѣпость также не соответствуетъ облигаціи.

4) Искъ. Какъ каждое право, залогъ имѣетъ и юридическое средство для его защиты. Всѣ иски, которые существуютъ для защиты и осуществленія имущественныхъ правъ, раздѣляются на два вида: *actiones in rem* и *actiones in personam*. Залогодержатель можетъ осуществить свое право путемъ *actio in rem*, предъявленія иска по мѣсту нахожденія недвижимости, облигаціонеръ же можетъ осуществить свое право только путемъ *actio in personam*.

Изъ сказаннаго видно, что облигація не содержитъ въ себѣ ни одного элемента, характеризующаго залоговое право. Спрашивается, какую же тогда цѣль имѣетъ положеніе запрещенія на все недвижимое имущество о-ва. Цѣль запрещенія, налагаемаго правительствомъ на имущество о-ва,—гарантія существованія юридическаго лица, умирающаго съ потерей своего матеріальнаго субстрата. Нельзя признать, что запрещеніе равняется залого имущества, ибо тогда взысканіе по облигаціи должно было бы быть обращено на находящееся подъ запрещеніемъ недвижимое имущество, какъ это имѣетъ мѣсто при закладныхъ, удовлетвореніе долга по коимъ производится исключительно изъ заложенаго и просроченнаго имущества (ст. 45 и 2155 т. X ч. 2). Между тѣмъ, согласно условію выпуска облигацій, «если доходы о-ва оказались недостаточными для уплаты % и погашенія по облигаціямъ, и имѣющаяся сумма не могла быть покрыта изъ запаснаго капитала или иныхъ источниковъ, то, для уплаты всего облигаціоннаго долга, обращается въ продажу сначала движимое, а потомъ недвижимое имущество. «Такимъ образомъ, несмотря на наложенное на недвижимое имущество запрещеніе, облигаціонеръ обязанъ обратитъ сначала взысканіе на движимое имущество. Правда, указываютъ, что и по отношенію къ движимости облигаціонеръ имѣетъ вещно-залоговое право. Но это указаніе совершенно неправильно уже по тому одному, что общество имѣетъ право продавать движимое имущество. Оговорка, что «об-

лигація обезпечивается всѣмъ достояніемъ о-ва» наводитъ скорѣе на аналогію облигацій съ прежними заемными письмами, въ которыхъ должникъ писалъ, что обезпечиваетъ свой долгъ всѣмъ своимъ имуществомъ, въ чемъ бы оно ни состояло. На разсмотрѣніе сената входилъ вопросъ о томъ, содержитъ ли въ себѣ такое заемное письмо вещно-залоговое право и подходитъ ли оно подъ обязательство, обезпеченное залогомъ или залогомъ. Въ своемъ опредѣленіи по дѣлу Гольствъ 1860 г. общее собраніе сената говоритъ: «заемное письмо, выданное Гольстомъ съ означеніемъ, что обезпечиваетъ свой долгъ всѣмъ своимъ имуществомъ, въ чемъ бы оно ни состояло, не даетъ сему акту ни свойства закладной крѣпости, ни закладной на движимое имущество, а засимъ сіе заемное письмо должно быть отнесено къ обязательствамъ безъ обезпеченія залогомъ или залогомъ».

Итакъ, доктрина залогового права и законъ и практика прав. сената приводятъ къ тому заключенію, что облигація не есть обязательство, обезпеченное залогомъ или залогомъ, а является обязательствомъ, надѣляемымъ законодателемъ въ виду публичнаго и эмиссіоннаго характера облигаціи первенствомъ передъ всѣми другими ничѣмъ не обезпеченными долгами.

По характеру и существу своему облигація аналогична съ кредитными бумажками государства. И здѣсь, и тамъ элементы публичности и эмиссіи, и здѣсь, и тамъ оговорка: «обезпечивается всѣмъ достояніемъ». Однако никто не станетъ утверждать, что держатель кредитнаго рубля имѣетъ вещно-залоговое право. Оговорка въ кредитномъ рублѣ «обезпечивается достояніемъ государства» имѣетъ своей задачей указать на полное соответствіе золотого фонда съ выпущенными въ обращеніе кредитными бумагами, такая же оговорка въ облигаціи имѣетъ цѣлью указать на соответствіе разрѣшеннаго размѣра облигаціоннаго займа съ цѣнностью всего имущества общества.

Опредѣленіе облигацій, какъ обязательства, надѣленнаго первенствомъ передъ всѣми другими, ничѣмъ не обезпеченными, долгами, ясно вытекаетъ изъ установленнаго въ условіяхъ выпуска облигацій правила, что въ случаѣ несостоятельности общества владѣльцы облигацій удовлетворяются преимущественно передъ прочими кредиторами общества, за исключеніемъ долговъ, причисленныхъ къ 1 разряду пп. 1, 2, 4—10 ст., 599 уст. суд. торг. Этимъ правиломъ законодатель совершенно сравнилъ облигаціонныя претензіи со всѣми перворазрядными претензіями, т. е. обладающими первенствомъ, и только не сравнилъ ихъ съ претензіями, на закладахъ и залогахъ утвержденными, обозначенными въ п. 3 ст. 599 уст. суд. торг. Такое же опредѣленіе облигаціи мы находимъ въ имѣющихся по сему вопросу двухъ рѣшеніяхъ прав. сен., одномъ по суд. деп. отъ 25 октября 1906 г. № 1809 г. Облигаціонеры тѣхъ обществъ, по уставамъ которыхъ долги по облигаціямъ обезпечиваются преимущественно передъ прочими долгами запаснымъ капи-

таломъ и вѣсьмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, не могутъ быть приравнены къ владѣльцамъ закладныхъ, а удовлетвореніе при конкурсѣ получаютъ преимущественно предъ другими кредиторами наравнѣ съ прочими первозрядными долгами» и другое по гр. касс. деп. 1886 г. № 126: «къ облигаціонному займу не можетъ быть примѣнено понятіе залоговаго права въ собственномъ смыслѣ и при указанныхъ условіяхъ выпуска облигацій за послѣдними не можетъ быть признано залоговое право въ смыслѣ 1554 ст. X т. 1 ч. Оговорка, что «облигаціи обезпечиваются вѣсьмъ достояніемъ общества и имѣютъ преимущество въ порядкѣ удовлетворенія передъ вѣсьми другими долгами общества» не можетъ быть понимаема иначе, какъ въ смыслѣ особаго значенія облигаціи въ сравненіи съ иными случайными и ничѣмъ не обезпеченными долговыми обязательствами.

Какъ бы ни разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія политико правовой, но все же дѣйствующее объ облигаціяхъ законодательство не даетъ мѣста инымъ выводамъ.

Я отнюдь не задался цѣлью доказать справедливость изложеннаго взгляда на существо и природу облигаціоннаго права, а ограничился въ этой статьѣ лишь изслѣдованіемъ этого права съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона. Разсмотрѣніе крупныхъ несовершенствъ нашего законодательства объ облигаціяхъ и необходимыхъ законовъ для дѣйствительнаго обезпеченія облигаціи и ненарушимости предоставленныхъ ей правъ послужитъ темой для другихъ статей. Сячтя необходимымъ упомянуть о состоявшемся на дняхъ рѣшеніи суд. департ. въ которомъ правит. сенатъ высказался, что долги, учиненные бывшей по дѣламъ несостоятельнаго о-ва администраціей, подлежатъ удовлетворенію ранѣ претензій по облигаціямъ лишь изъ недвижимаго имущества, по отношеніи же къ движимому имуществу держатель облигаціи имѣетъ залоговое право примѣнительно къ 1554 ст. X ч. I. Однако лишь по опубликованіи мотивовъ этого рѣшенія можно будетъ дать оцѣнку этого взгляда.

М. Криверъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правит. сенатъ.

(Засѣд. угол. касс. деп. 8 декабря).

I.

Возможно ли постановленіе дополнительнаго приговора въ порядкѣ 955 ст. уст. уг. суд. въ случаѣ, если окружн. судъ, приговоривъ подсудимаго къ тюремному заключенію, указанному въ 33 ст. ул. о нак., не упомянулъ о сопутствующемъ ему наказанію правослишеній?

Виленскій окружн. судъ въ маѣ 1909 г. слушалъ, безъ участія присяжныхъ засѣдатель, дѣло о крестьянинѣ Александрѣ Давидовичѣ, обвиняемомъ по 1657 ст. ул. о нак., и предложеніе прокурора окр. суда отъ 23 марта 1909 г. о дополненіи въ порядкѣ 955 ст. уст. уг. суд. состоявшагося 3 сентября

1908 года приговора сего суда. Обсудивъ предложеніе прокурора, окр. судъ нашелъ, что указанный выше приговоръ суда, какъ не обжалованный своевременно сторонами, вступилъ въ законную силу 20 сентября 1908 года и обращенъ уже къ исполненію и потому въ настоящее время долженъ быть исполненъ, хотя приговоръ этотъ и является неправильнымъ въ виду того, что къ осужденному по 33 и 1657 ст. ул. о нак. Давидовичу должно быть примѣнено указанное въ этихъ статьяхъ лишеніе правъ съ послѣдствіями по 58¹ ст. ул. о нак. Эта неправильность, допущенная судомъ, не лишаетъ однако этого приговора законной силы и не дѣлаетъ его исполненіе юридически невозможнымъ, какъ это установлено рѣшеніями правит. сената 1880 г. №№ 12 и 24 по отношенію къ окончательнымъ приговорамъ, хотя и необжалованнымъ своевременно, но постановленнымъ съ нарушеніемъ подсудности, или же назначеніемъ подсудимымъ наказанія, не соответствующаго правамъ его состоянія (рѣшеніе сената 1867 г. № 588 и 1873 г. № 583) въ первомъ случаѣ, потому, что приговоръ, постановленный не компетентнымъ судомъ, никогда не можетъ имѣть силы судебного приговора и вступить въ законную силу, а во-вторыхъ, кромѣ того, въ виду юридической невозможности приведенія такого приговора въ исполненіе. Приговоръ же суда по настоящему дѣлу, какъ постановленный компетентнымъ судомъ и безъ опредѣленія подсудному наказанія, не соответствующаго правамъ его состоянія, не подходитъ ни подъ одинъ изъ указанныхъ выше случаевъ, почему и на основаніи 941 ст. уст. угол. суд. долженъ быть признанъ вступившимъ въ законную силу и подлежащимъ исполненію. Кромѣ того, окружн. судъ находить, что помимо приговоровъ, опредѣляющихъ наказаніе, не соответствующее правамъ состоянія подсудимаго, въ порядкѣ 955 ст. уст. уг. суд. можетъ быть постановленъ лишь такой дополнительный приговоръ, который касается или порядка его исполненія, или же замѣны осужденному соответствующимъ равнозначнымъ наказаніемъ, напримѣръ, по военно-уголовнымъ законамъ, или же, наконецъ, о такихъ послѣдствіяхъ приговора, какъ, напримѣръ, о судебныхъ издержкахъ, вещественныхъ доказательствахъ и т. п., которые не касаются существенныхъ частей состоявшагося уже приговора. Дополнительный же приговоръ объ усиленіи наказанія лишеніемъ правъ подсудимаго Давидовича не можетъ быть постановленъ судомъ въ порядкѣ 955 ст. уст. уг. суд. безъ отмѣны вышней инстанціей состоявшагося уже ранѣ приговора. На основаніи изложеннаго окружн. судъ постановилъ предложеніе прокурора о дополненіи приговора суда по дѣлу объ Александрѣ Давидовичѣ оставить безъ послѣдствій.

На это опредѣленіе суда товарищемъ прокурора былъ принесенъ прав. сенату кассационный протестъ, сущность коего сводилась къ слѣдующему. Лишеніе вѣсьхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ вытекающими изъ него послѣдствіями по 58¹ и 58² ст. ул. о нак., опредѣляется по 33 ст. ул. о нак. не альтернативно, по усмотрѣнію суда, а какъ составная часть наказанія, столь же необходимо вытекающая изъ примѣненія означенной статьи, какъ и назначаемое тюремное заключеніе; слѣдовательно, постановка дополнительнаго приговора о лишеніи правъ состоянія подсудимаго Давидовича была бы не усиленіемъ наказанія подсудному, а логическимъ послѣдствіемъ примѣненія судомъ еще по приговору 3 сентября 1908 г. 33 ст. ул. о нак. Что же касается невозможности, по мнѣнію суда, постановить дополнительный объ этомъ правослишеніи приговоръ въ порядкѣ 955 ст. уст. уг. суд., то рѣшеніями сената 1869 г. за № 829 и друг. дѣйствительно разъяснено, что приговоръ суда, вступившій въ законную силу, не можетъ подлежать отмѣнѣ и долженъ быть приведенъ въ исполненіе, хотя бы судъ впоследствии и удостоверился въ неправильности

своего приговора; однако, правит. сенатом допущены неизбежныя исключения из этого общаго правила, когда вступившимъ въ законную силу и необжалованнымъ сторонами приговоромъ нарушается публичный интересъ; таковы тѣ два случая, на которые ссылается окружный судъ, а также случаи постановленія приговора съ превышеніемъ предѣловъ вѣдомства или власти, присужденія къ наказанію уже не существующему или назначенія наказанія по гражданскимъ законамъ лицу, состоящему на дѣйствительной военной службѣ (рѣшенія правит. сената 1870 г. № 17, 24; 1868 г. № 272, 227, 136; 1867 г. № 588, 275; 1866 г. № 91). Изъ рѣшенія правит. сената 1880 г. № 24 видно, что перечисленные случаи не имѣютъ исчерпывающаго значенія, такъ какъ этимъ рѣшеніемъ разъяснено, что въ подобныхъ случаяхъ правит. сенатъ признавалъ возможнымъ отменить приговоры помимо жалобъ сторонъ въ виду юридической невозможности привести таковыя приговоры въ исполненіе. Въ виду того, что допущенная судомъ при постановкѣ приговора по настоящему дѣлу неправильность представляетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ юридической невозможности приведенія приговора въ исполненіе, который требуетъ исправленія приговора въ порядкѣ 953 ст. уст. уг. суд., окружному суду надлежало постановить дополнительный приговоръ о наказаніи осужденнаго Давидовича.

Правит. сенатъ постановилъ: протестъ оставить безъ послѣдствій.

Правит. сенатъ.

(Засѣд. гражд. касс. деп. 2 декабря)

IX.

Подлежитъ ли пересмотру опредѣленіе объ утвержденіи торговаго на недвижимость, если покупщикъ скрылъ отъ должника приобретение изъ еде до производствѣ торговаго отъ преемника кредитора единственной претензии, по которой имѣние было назначено въ продажу?

За долгъ Леонарду въ суммѣ 13.400 р. и Израилянту 1.500 р. имѣніе Стамати было назначено въ продажу и приобретено Леонардомъ, по претензіи коего продажа подлежала, согласно послѣдовавшей затѣмъ резолюціи суд. палаты, пріостановленію, при чемъ касс. жалоба Стамати на опредѣленіе одесс. суд. палаты объ укрѣпленіи имѣнія за Леонардомъ была прав. сенатомъ оставлена безъ послѣдствій. Заявленное затѣмъ Стаматѣ ходатайство о пересмотрѣ указаннаго опредѣленія въ виду того, что исполнит. листъ Израилянты ко дню торговаго былъ имъ переуступленъ Леонарду, было признано тою же суд. палатою неуважительнымъ, каковое опредѣленіе было прав. сенатомъ отменено по нарушенію ст. 339 и 711 уст. гр. суд. за необсужденіемъ палатою того указанія просителя, что, оставшіеся въ невѣстности о перемѣнѣ взысканія, онъ не могъ предложить Леонарду получение денегъ, внесенныхъ имъ въ казначейство въ погашеніе долга Израилянту, и такимъ образомъ имѣніе оказалось проданнымъ по претензіи, уже погашенной—по утвержденію просителя—до дня торговаго. Послѣдовавшимъ затѣмъ опредѣленіемъ кievск. суд. палаты торговъ былъ признанъ недѣйствительнымъ въ виду того, что невѣстность взыскателя собственнику имѣнія нарушаетъ п. 2 ст. 943 уст. гр. суд., лишая послѣдняго возможности внести долгъ, согласно ст. 952 уст. гр. суд., взыскателю, и даетъ ему право внести деньги въ судъ или въ казначейство (ст. 945 устава; гр. касс. деп. 1869 г. № 1199). То обстоятельство, что деньги внесены были въ казначейство третьимъ лицомъ и притомъ безъ прямого указанія о выдачѣ ихъ взыскателю и съ добавленіемъ, что „о правильности сего взысканія оставляю за собою

право спорить“—не существенно, ибо въ квитанціи казначейства упомянуто, что деньги внесены по дѣлу объ отменѣ торговаго и указанъ день такового, заявленія же о невыдачѣ этихъ денегъ Израилянту въ прошеніи Стамати суд. приставу не содержится. Въ касс. жалобѣ повѣренный Леонарда, прис. пов. Бродскій, указывалъ, что въ силу ст. 943 уст. гр. суд. въ повѣсткѣ долженъ быть указанъ взыскатель, по обязанности послѣдняго, въ дальнѣйшемъ ходѣ взысканія, извѣщать должника о передачѣ взысканія законъ нигдѣ не устанавливаетъ; напротивъ того, ст. 945 прямо поясняетъ, что взыскатель можетъ и не указывать о перемѣнѣ своего мѣстожителства. Палата не выяснила вовсе, какое значеніе можетъ имѣть перемѣна взыскателя—это такъ называемое обстоятельство въ дѣлѣ—для отменѣ вступившаго въ законную силу опредѣленія и, вновь разсматривая послѣднее, допустила и рядъ фактическихъ извращеній; палата не упоминаетъ, что послѣ взноса денегъ третьимъ лицомъ—Лигензевичемъ опекушкой надъ имуществомъ послѣдняго было подано прошеніе о возвратѣ ей этихъ денегъ; несправильно и указаніе палаты, что не имѣлось другихъ претензій, кромѣ долга Израилянту. Но если бы и имѣлось новое обстоятельство, и притомъ существенное, то такое могло бы служить основаніемъ для пересмотра рѣшенія въ порядкѣ ст. 794 уст. гр. суд., а отнюдь не къ отменѣ опредѣленія, правильность коего была уже признана прав. сенатомъ.

Опредѣленіе палаты отменено по нарушенію ст. ст. 339, 711 и 893 уст. гр. суд.

X.

Вправѣ ли крестьянинъ, вышедшій изъ отцовской семьи и поступившій въ пріимы къ своему тестю на надѣлѣ послѣдняго, пользоваться въ то же время землею—сходлищею въ составѣ надѣла умершаго его отца?

По иску Петренко о признаніи за нимъ, какъ членомъ двора, права на половину земли изъ надѣла дѣда его по матери Рагушнюка, находящагося во владѣніи тетяи истца и ея мужа,—кievск. суд. палата признала, что согл. ст. 218 пол. устан. крест. (пол. о сельск. сост. изд. 1902 г. кн. III) отказъ отъ надѣла, слѣдующаго малолѣтнимъ сиротамъ, можетъ послѣдовать не иначе, какъ по приговору сельскаго схода, одобренному уѣзнымъ мир. съѣздомъ; слѣдовательно, хотя бы и считать отца истца его естественнымъ опекуномъ, отказъ и въ этомъ случаѣ могъ выразиться только въ письменной формѣ. Но и помимо сего формальнаго основанія нельзя усматривать отказа отъ надѣла въ томъ, что отецъ истца, выходя въ другой дворъ, взялъ съ собою и двухлѣтняго сына, и что послѣдній росъ при отцѣ и мачехѣ.—Въ касс. жалобѣ отвѣтчики указывали, что въ настоящемъ случаѣ имѣлъ мѣсто не отказъ отъ надѣла, а—необсужденный палатою—фактический переходъ отца имѣтѣ съ сыномъ на новый надѣлъ мачехи истца, гдѣ послѣдній имѣтѣ съ своимъ отцомъ вошли въ составъ трудовыхъ членовъ двора. Согласно разъясненій прав. сен. по общ. собр. 1898 г. № 2, 1892 г. № 41 и 42 и 1899 г. № 1 надѣлъ составляетъ достояніе родственно-хозяйственнаго трудового союза; вопросъ о правѣ истца на надѣлъ надлежало поэтому рѣшить только въ зависимости отъ того, былъ ли истецъ фактически трудовымъ членомъ соответственнаго двора.

Рѣшеніе палаты отменено по нарушенію ст. 339 уст. гр. суд.

Псковскій окружный судъ.

(Дѣло о холерномъ бунтѣ).

21-го декабря псковскимъ окружнымъ судомъ съ участвіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло о холерномъ бунтѣ въ Александровскомъ посадѣ, на островѣ Талабекѣ, псковскаго уѣзда, въ

июль мѣсяцѣ текущего года. Сущность дѣла по обвинительному акту заключается въ слѣдующемъ.

Лѣтомъ 1909 года въ предѣлахъ псковской губ. появилась холерная эпидемія, и вслѣдъ за этимъ въ народѣ распространился слухъ, что „холеру разводитъ доктор“, чтобы получить деньги за лѣчение въ баракахъ, въ которыхъ-де на самомъ дѣлѣ никакого лѣченія не происходитъ, а доктора просто „морятъ“ больныхъ.

28-го іюня 1909 года на островъ Талабекъ, псковскаго уѣзда, прибыла партія студентовъ для изслѣдованія мѣстной флоры и фауны, при чемъ экскурсанты брали въ особые пузырьки для пробы воду и, поливая ѣдкимъ химическимъ растворомъ землю, собирали выплывавшихъ на поверхность насекомыхъ. Вслѣдъ за этимъ въ Талабекѣ распространились слухи, что студенты „отравляютъ воду“ и „разсыпаютъ по землѣ холеру“. Въ іюль въ Талабекѣ появились холерныя заболѣванія, и населеніе стало относиться крайне враждебно какъ къ медицинскому персоналу, такъ и принимавшимся имъ санитарнымъ мѣрамъ. 28-го іюля 1909 г. на островѣ Талабекѣ былъ „мѣстный“ праздникъ, и большая часть населенія его собралась въ посадѣ Александровъ. Послѣ крестнаго хода сельскій староста Степанъ Синельниковъ собралъ сходъ для обсужденія вопроса о томъ, какъ поступить съ медицинскимъ персоналомъ, борющимся съ холерой. Собравшаяся на этотъ сходъ толпа, состоявшая изъ мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, изъ которыхъ большая часть находилась въ состояніи опьяненія, немедленно же начала требовать, чтобы бывшіе въ Талабекѣ студентъ-медики Воляскій и фельдшеръ Волковъ покинули островъ и, несмотря на всѣ доводы Воляскаго и мѣстнаго полицейскаго надзирателя Иванова, требовала немедленнаго исполненія своего желанія.

Вполнѣ понимая необходимость подчиниться этимъ требованіямъ возбужденной толпы, Воляскій, скрывавшійся сначала въ квартирѣ полицейскаго надзирателя, направился окруженный толпой къ озеру, чтобы уѣхать съ острова.

Во время этого пути изъ толпы раздавались угрозы по адресу Воляскаго, а мѣщанинъ Алебастровъ и крестьяне Петръ Видюнинъ, Иванъ и Семень Полезовы нанесли ему нѣсколько ударовъ кулаками.

Подойдя къ берегу озера, Воляскій не нашелъ почтовой лодки, и тогда его столкнули въ воду и онъ долженъ былъ пройти нѣсколько саженъ по водѣ, чтобы достигнуть стоявшей на якорѣ лодки, послѣ чего въ него стали бросать камни, пока онъ не отъѣхалъ отъ берега. Послѣ этого та же толпа отравилась къ фельдшеру Волкову и такимъ же образомъ принудила его покинуть островъ, при чемъ, провожая его до берега крестьяне, Николай Тюминъ и Василій Назаровъ, бывшіе въ толпѣ, нѣсколько разъ обыскивали его карманы, чтобы найти „холерные порошки“, а когда Волковъ, наконецъ, сѣлъ въ лодку, Василій Симоненковъ бросилъ въ него камень, но не попалъ.

На основаніи изложеннаго крестьяне псковскаго уѣзда остеновской волости острова Талабека, Степанъ Михайловъ Синельниковъ, 56 лѣтъ, Петръ Никитинъ Видюнинъ, 72 лѣтъ, Семень Ивановъ Полезовъ, 34 л., Иванъ Евдокимовъ Полезовъ, 70 лѣтъ, Василій Петровъ Назаровъ, 40 лѣтъ, Николай Филиповъ Тюминъ, 28 л., Николай Яковлевъ Симоненковъ, 17 л., и мѣщанинъ Александровскаго посада псковской губерніи Федоръ Ивановъ Алебастровъ, 70 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что 28-го іюля 1909 г. на островѣ Талабекѣ псковскаго уѣзда приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, которое, дѣйствуя соединенными силами участниками, вслѣдствіе нарушающихъ общественное спокойствіе слуховъ о томъ, что холера выдумана докторами, которые изъ личныхъ видовъ отравляютъ населеніе и

морятъ больныхъ, учинили насиліе надъ студентомъ-медикомъ Воляскимъ и фельдшеромъ Волковымъ, командированными на островъ Талабекъ для борьбы съ холерной эпидеміей, принудивъ ихъ оставить островъ. Преступленіе это предусмотрено 1 п. 1 ч. 269^а ст. улож. о наказ., а въ отношеніи сельскаго старосты Синельникова и 2 ч. той же статьи. Подсудимыхъ защищаетъ пом. прислжн. пов. С. А. Шапотъ.

Послѣ оглашенія обвинительнаго акта председа-тельствующій спрашиваетъ подсудимыхъ о виновности, и всѣ всемерно даютъ отрицательный отвѣтъ. Обвиняемый сельскій староста Синельниковъ говоритъ, что схода не собиралъ для обсужденія вопроса, какъ поступить съ холернымъ докторомъ. Это сдѣлалъ его помощникъ Степановъ, хотя обвиняемый говорилъ ему, что народъ пьянъ и сходъ созывать не надо. Выходилъ уговаривать толпу, требовавшую, чтобы Воляскій уѣхалъ съ острова, но толпа и его самого пыталась разорвать.

Обвиняемый Алебастровъ говоритъ, что въ толпѣ не участвовалъ, былъ въ гостяхъ. Лишь когда толпа была на берегу, подошелъ туда и обвиняемый. Студентъ Воляскій сидѣлъ уже въ лодкѣ.

Обвиняемые отецъ и сынъ Полезовы заявляютъ, что хотя были въ толпѣ, но Воляскаго въ глаза не видали. То же заявилъ обвиняемый Видюнинъ, добавивъ, что былъ мертвецки пьянъ и ничего не помнилъ.

Первымъ допрашивался студентъ Воляскій. 28-го іюля, когда онъ шелъ изъ холернаго барака по улицѣ Александровскаго посада, встрѣтилъ толпу чело-ловѣкъ въ 20, ожелезную съ нимъ говоритъ. Съ первыхъ же словъ разговоръ принялъ угрожающій характеръ, и Воляскій заявилъ толпѣ, что отказывается съ ней дальше говорить. Свидѣтель пошелъ въ квартиру полицейскаго надзирателя Иванова. Толпа за нимъ, причемъ возросла до 300 человекъ. Настроеніе ея было угрожающее; раздавались возгласы: „На арканъ ихъ!“ Надзиратель Ивановъ послалъ старосту Синельникова уговорить толпу, но тотъ не могъ ничего съ ней сдѣлать. Толпа уже ввалилась въ корридоръ квартиры полицейскаго надзирателя и энергично требовала выдачи свидѣтеля. Тогда онъ самъ вышелъ къ толпѣ и началъ ее уговаривать. Полицейскій надзиратель Ивановъ еще раньше Воляскаго вышелъ изъ своей квартиры и хотѣлъ ускользнуть, что ему и удалось. Свидѣтель, изъявивъ желаніе самъ уѣхать съ острова, попросилъ, чтобы его кто-нибудь изъ крестьянъ проводилъ до берега. Двое—трое охотниковъ нашлось. Когда пошли къ берегу, отдѣльные лица изъ толпы наносили свидѣтелю удары по головѣ, спинѣ. Били кулаками, пятами. Вызавшіеся охранять свидѣтеля крестьяне удерживали толпу.

Бунтъ разыгрался, по мнѣнію свих. Воляскаго, на почвѣ всевозможныхъ слуховъ. Населеніе Талабскаго острова, абсолютно невѣжественное, вѣрило слухамъ, что доктора сами разводятъ холеру. Полицейскій надзиратель Ивановъ рассказывалъ свидѣтелю о своемъ разговорѣ съ обвиняемымъ сельскимъ старостой Синельниковымъ. Послѣдній хвастался: „Будь я начальникомъ, я бы зналъ, какъ вывести холеру“... На вопросъ Иванова: „А какъ?“ Синельниковъ отвѣтилъ: „Кольями“. Вообще Синельниковъ не скрывалъ своего неравнѣннаго къ врачебному персоналу холернаго барака и уклонялся отъ исполненія даваемыхъ ему порученій. Въ заключеніе студ. Воляскій говоритъ, что его били только старики. Бывшая же въ толпѣ молодежь не дотронулась до него пальцемъ, но и не защитила, боясь стариковъ.

На вопросъ защитника пом. прис. пов. С. Л. Шапота, кто сѣялъ слухи, будто студенты распро-страждали на островѣ холеру, свидѣтель Воляскій отвѣчаетъ, что толпа указывала на полицейскаго стражника Чайкина. Послѣдній стоялъ тутъ же въ

толпѣ, и, когда Волянский спросилъ его, правда ли это, Чайкинъ замаялся и ничего не отвѣтилъ.

— Не заготавливали ли вы въ баракѣ гробовъ на всякій случай?—неожиданно задаетъ Волянский вопросъ зач. Шапотъ и получаетъ утвердительный отвѣтъ. Былъ одинъ случай, когда холерный больной былъ еще живъ, а гробъ уже дѣлался. Но это по случаю того, что на слѣдующій день былъ праздникъ и гробъ некому бы было дѣлать. Похороны холерныхъ производились упрощеннымъ способомъ: ихъ сразу послѣ смерти клали въ гробы и увозили на кладбище; родные не допускались для цѣлованія труповъ, и все это возбуждало народъ.

На вопросъ защиты, какъ относился къ событію полицейскій надзиратель Ивановъ, свидѣтель Волянский отвѣчаетъ, что Ивановъ не принялъ абсолютно никакихъ мѣръ противъ толпы и въ защиту его, Волянского. Наоборотъ, свѣ былъ любезенъ съ толпой, шутилъ съ ней, жаль руки отдѣльнымъ лицамъ и даже сказалъ: „Вы хотите выгнать съ острова доктора? Такъ я вамъ сдѣлаю это!“ „Фельдшера Волкова прогнать тоже!“—кричала толпа. Ивановъ общался въпрямую и его. Словомъ, Ивановъ боялся за себя и, желая остаться цѣлымъ, повторствовалъ толпѣ. Когда послѣдняя была уже на берегу, а свидѣтель Волянский стоялъ въ озерѣ, Ивановъ появился тутъ же, на берегу, но скоро исчезъ. Толпа на берегу была до 2.000 человекъ.

Потрясающую картину рисуетъ слѣдующій свидѣтель, фельдшеръ Волковъ. Когда онъ былъ въ своей квартирѣ, явился полицейскій надзиратель Ивановъ и сказалъ: „Одѣвайтесь и пойдемте на берегъ“. Ивановъ былъ безъ шапки. Вслѣдъ за Ивановымъ подошла огромная толпа и повела Волкова на берегъ, не давъ ему проситься съ женой и дѣтьми. Послѣдній рыдалъ, думая, что отца убьютъ. Когда подошли къ берегу острова, на озерѣ была страшная буря. Когда Ивановъ сѣлъ въ лодку, ее оттолкнули отъ берега, при чемъ обвиняемый Симоненковъ отшибъ отъ лодки руль. Толпа бросала камнями, но мимо. Дорогой свидѣтеля обыскивали нѣсколько разъ, ища холерныхъ порошокъ. Свидѣтель служилъ на островѣ фельдшеромъ 10 лѣтъ. Народъ всегда относился къ нему дружелюбно.

Слѣдующая свидѣтельница, жена фельдшера Волкова, показываетъ, что надзиратель Ивановъ, когда она обратилась къ нему съ просьбой о защитѣ мужа, отвѣтилъ: „Не могу же я стрѣлять въ толпу“. Толпа кричала, что надо убить не только Волкова, а и его семью. Другіе кричали: „Забирай, Волковъ, своихъ ребятшекъ и убирайся съ острова“. Взрослый сынъ Волкова былъ тоже обысканъ толпой. Все искали холерного яда.

Пространное показаніе даетъ мѣщанскій староста Александровскаго посада Турцовъ. Народъ былъ недоволенъ существованіемъ холернаго барака и боялся мимо него ходить. Даже собственные работники свидѣтеля, поставившаго въ баракъ разные продукты, боялись туда идти, и Турцовъ самъ возилъ въ баракъ воду, тесъ для гробовъ. Послѣднихъ всегда имѣлось на запасъ нѣсколько штукъ. Стояли они во дворѣ холернаго барака. Далѣе свидѣтель показываетъ, что когда Волянскій заявилъ толпѣ, что уѣзжаетъ съ острова, то добавилъ:

— А больныхъ изъ барака можете взять обратно. Ихъ некому будетъ лѣчить.

Толпа, проведя Волкова и Волянскаго, дѣйствительно направилась къ бараку и разобрала изъ него больныхъ по домамъ. Жителей острова свид. Турцовъ, самъ мѣстный коренной обыватель, характеризуетъ какъ „строе мужичье“. Когда толпа стояла у квартиръ полицейскаго надзирателя Иванова, свидѣтель бѣгалъ за посадскимъ священникомъ, чтобы онъ пришелъ и успокоилъ толпу, но понадеясь сказала, что батюшки нѣтъ дома.

Народъ жаловался, что богатые не мрутъ отъ холеры, а только бѣднота. Когда у самого Турцова

заболѣла жена (болѣзнь напоминала холеру) и ее стали лѣчить дома, а не въ баракѣ, народъ опять началъ роптать на докторовъ, ирививающихъ холеру только бѣднотѣ.

Свид. акушерка Измѣтѣева находилась въ толпѣ, собравшейся у квартиръ полицейскаго надзирателя Иванова, при чемъ спорила съ крестьянами, будто холеру подпустили на островъ студенты. Когда Волянскаго народъ столкнулъ съ берега на озеро, свидѣтельница пошла за нимъ, сѣла въ лодку и отвезла его на станцію Толвицы. Свидѣтельница, имѣвшая по своей специальности общеніе больше съ женскимъ населеніемъ острова, слышала часто враждебные отзывы о холерномъ баракѣ и „докторахъ“.

Свид. Николаевъ, полицейскій стражникъ, показываетъ, что толпа послала его за фельдшеромъ Волковымъ, но онъ отказался повиноваться, говоря: „Если прикажетъ мое начальство, такъ пойду“. Когда свидѣтель былъ съ полицейскимъ надзирателемъ Ивановымъ въ квартирѣ фельдшера Волкова и когда вслѣдъ за ними къ дому Иванова подошла толпа въ 300 человекъ, Ивановъ отдалъ приказъ зарядить ружья, но Волковъ запротестовалъ: „Не надо,—авось, обойдется дѣло съ миромъ“. Когда Волкова повели къ берегу, толпа оттѣснила Николаева, и онъ не могъ оказать помощи.

Свид. полицейскій надзиратель Александровскаго посада Ивановъ показываетъ, что уговаривалъ толпу, но она не слушалась, а стражника Чайкина даже грозилась убить. Противъ Чайкина толпу настраивала акушерка Измѣтѣева. Кто былъ Волянскаго, свидѣтель не знаетъ, но кого онъ видѣлъ въ толпѣ, тѣхъ среди обвиняемыхъ нѣтъ.

Далѣе допрашивались свидѣтели защиты, показанія которыхъ сводились къ установленію алиби подсудимыхъ.

Приговоромъ подсудимые Видюнинъ, Алебастровъ, Тюминъ и Иванъ Полевовъ присуждены къ лишенію нѣкоторыхъ правъ въ 8-ми мѣсяцахъ тюрьмы. Остальные оправданы. Постановлено ходатайствовать о смягченіи приговора.

Изъ иностранной юридической жизни.

Чудеса Лурда передъ судомъ.

Въ 1903 году одна жительница города Метцъ (въ Эльзасѣ-Лотарингіи), 80-ти лѣтняя г-жа Ручель, страдавшая волчанкой, отправилась къ Лурдскому источнику, въ надеждѣ найти тутъ исцѣленіе отъ своей болѣзни. Врачъ Эрнстъ въ Метцѣ выдалъ ей свидѣтельство о томъ, что она—дѣйствительно страдаетъ волчанкой. Послѣ ея возвращенія изъ Лурда оказалось, что двѣ язвы, бывшія у нея на лицѣ, зарубцевались. На этомъ основаніи врачъ Эрнстъ выдалъ ей новое свидѣтельство, въ которомъ удостоверялъ, что въ ея состояніи здоровья произошла рѣзкая перемѣна и что волчанку можно считать излѣченной. Этимъ свидѣтельствомъ воспользовалась католическая печать, чтобы повсюду распространить извѣстіе о чудесномъ исцѣленіи. Общество врачей гор. Метца, желая проверить случай, подвергло его обстоятельному изслѣдованію, причемъ выяснилось, что язвы на лицѣ больной были сифилитическаго происхожденія. Особенно подробно обезудался вопросъ въ одномъ засѣданіи общества врачей въ 1905 году, въ которомъ наблюдательный врачъ Лурда, д-ръ Боасари, самъ призналъ, что объ исцѣленіи волчанки въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Тогда д-ръ Эрнстъ заявилъ, что онъ давно уже констатировалъ у больной люэсъ, въ отвѣтъ на что другой врачъ, д-ръ Мюллеръ, замѣтилъ, что—судя по выданному Эрнстомъ свидѣтельству—онъ сознательно и умышленно умолчалъ о констатированномъ имъ у боль-

ной люэсь. Это заявление послужило основанием для возбуждения Эрнстом обвинения против Мюллера в оскорблении его на письме (слова Мюллера были занесены в протокол заседания общества врачей). Первая инстанция, судь шеффеновъ въ Метцѣ, призналъ жалобу д-ра Эрста не заслуживающей уваженія, такъ какъ изъ дѣла видно, что жалобщикъ сознательно хотѣлъ ввести массы въ заблужденіе. Эрнстъ перенесъ дѣло въ Метцскій ландгерихтъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи. Дѣло разбиралось здѣсь въ концѣ декабря 1909 года. На судѣ былъ вызванъ цѣлый рядъ экспертовъ: проф. Нейсеръ изъ Бреслава, проф. Вольфъ изъ Страсбурга и три врача. Эксперты констатировали, что больная страдала одновременно волчанкой и сифилисомъ, что послѣ пребыванія въ Лурдѣ у нея закрылись лишь люэтическія язвы, но что такія измѣненія зачастую происходятъ у сифилитическихъ больныхъ при самыхъ обыкновенныхъ условіяхъ. Далѣе эксперты признали, что г-жа Рушель по прежнему страдаетъ обѣими болезнями и что объ исцѣленіи люэа нѣтъ рѣчи. На основаніи этой экспертизы судь призналъ, что г-жа Рушель была использована для укрѣпленія суевѣрія относительно чудесныхъ свойствъ лурдскаго источника, и утвердилъ приговоръ суда первой инстанціи съ возложеніемъ на жалобщика всѣхъ издержекъ апелляціоннаго производства.

Messenger Boys и почтовая регалия.

Основанныя въ Берлинѣ и въ некоторыхъ другихъ городахъ Германіи конторы разсылныхъ—мальчиковъ для исполненія свѣдѣнныхъ порученій (такъ наз. Messenger Boys) возбудили интересныя юридическія вопросы о соотношеніи между ихъ дѣятельностью и исключительнымъ правомъ фиска на завѣдываніе почтовыми сношеніями. Въ мартѣ с. г. подобное дѣло разсматривалось въ уголовномъ отдѣленіи берлинскаго ландгерихта, причемъ на скамьѣ подсудимыхъ очутились директоръ „Berlin Messenger Boys Company“, Гофманъ и завѣдующій однимъ изъ бюро этого общества. Основаніемъ обвиненія служилъ имперскій почтовый законъ отъ 28-го октября 1871 г. и новелла отъ 20-го декабря 1899 г.

Въ почтовомъ законѣ установлено монопольное право казны на выполнение международныхъ почтовыхъ порученій и запрещено частнымъ лицамъ и обществамъ конкурировать въ этомъ отношеніи съ фискомъ. Далѣе, § 1-а новеллы, съ 1899 года распространилъ обязательное пользованіе почтовыми учрежденіями также и на пересылку писемъ въ мѣстномъ сообщеніи. Изъ этого правила сдѣлано исключеніе въ § 2-а упомянутой новеллы и разрѣшена пересылка писемъ въ мѣстныхъ сношеніяхъ при помощи оплачиваемыхъ посыльныхъ, которые не занимаютъ профессионально собираемъ писемъ, открытокъ и печатныхъ произведеній и которые не находятся на службѣ у какого-либо частнаго перевозочнаго предпріятія. Такимъ образомъ, для разрѣшенія вопроса объ отвѣтственныхъ обвиняемыхъ было необходимо установить, занимаются ли messenger boys собираніемъ разнородныхъ писемъ и затѣмъ является ли само общество тѣмъ „частнымъ перевозочнымъ предпріятіемъ“, о которомъ говорится въ законѣ. Директоръ Гофманъ, одинъ изъ обвиняемыхъ, сдѣлалъ очеркъ дѣятельности общества „Messenger Boys Company“, причемъ установилъ, что отдѣльные разсылные общества исполняютъ лишь одно данное порученіе, что одинъ и тотъ же посыльный не собираетъ и не разноситъ по пути нѣсколько писемъ. Порученія даются посыльнымъ по телефону и устно, плата опредѣляется по таксѣ, въ зависимости отъ потраченнаго на исполненіе порученія времени. О конкуренціи почтовымъ учрежденіямъ, а потому и о нарушеніи почтовой регалии не можетъ быть рѣчи. Къ этому защитникъ добавилъ, что весь почтовый

законъ и новелла созданы были для того, чтобы упразднить профессиональныя почтовые предпріятія учрежденныя частными лицами. Но отдѣльныя частныя лица, торговыя фирмы, учрежденія и т. п. не должны были вслѣдствіе этого лишиться права доставлять письма черезъ своихъ разсылныхъ или черезъ самостоятельныхъ посыльныхъ или, наконецъ, черезъ конторы посыльныхъ. Прокуроръ, напротивъ, находилъ, что данныя разслѣдованія произведеннаго главнымъ почтовымъ инспекторомъ, убѣждаютъ въ нарушеніи обвиняемыми закона, и далъ заключеніе въ смыслѣ наложенія на обвиняемыхъ денежнаго штрафа въ 3 марки на каждого. Однако, судь согласился съ мнѣніемъ защиты, и оба обвиняемыхъ было оправданы. Въ другихъ случаяхъ, однако, суды приходили къ обвинительнымъ приговорамъ, и лишь недавно имперскому суду пришлось принципиально высказаться по данному вопросу. Судь призналъ, что „Messenger Boys Company“, и другія подобныя учрежденія представляютъ собой именно тѣ „частныя перевозочныя предпріятія“, о которыхъ говоритъ законъ. Для понятія такого предпріятія вовсе не важно заключеніе договора о доставкѣ писемъ, или представленіе разсылнаго для любыхъ услугъ, а лишь общій характеръ дѣятельности предпріятія. Если бы оно представляло разсылныхъ въ распоряженіи публики въ качествѣ рабочихъ для исполненія отдѣльныхъ личныя порученій, то его можно было бы приравнять къ конторѣ посыльныхъ и въ его дѣйствіяхъ нельзя было бы усмотрѣть конфликта съ почтовымъ закономъ. Однако, все вѣденіе дѣла въ данномъ обществѣ направлено на профессиональное собираніе писемъ. Именно дѣятельность разсылныхъ частныхъ перевозочныхъ предпріятій по доставленію закрытыхъ писемъ въ мѣстномъ сообщеніи можетъ вызвать въ почтовыхъ сношеніяхъ тѣ неудобства, къ усугубленію (или предупрежденію) которыхъ стремится законъ. Пользованіе услугами служащихъ подобнаго предпріятія въ качествѣ разсылныхъ можетъ легко перейти въ организованную доставку писемъ, ибо такія перевозочныя предпріятія имѣютъ часто регулярныя обходы или объѣзды, позволяющіе придавать доставленію писемъ правильный и организованный характеръ почтовой службы. Съ другой стороны, и понятіе „собиранія“, корреспонденціи предполагаетъ не сложную приемно-раздаточную организацию, а лишь принятіе мѣръ, дающихъ публикѣ возможность сдавать свою корреспонденцію для отправки, хотя бы затѣмъ доставленіе производилось для каждаго письма отдѣльно. Лишь неадресованныя отправленія могутъ быть перевозимы такимъ предпріятіемъ, по отношенію же къ закрытымъ и открытымъ письмамъ, печатнымъ произведеніямъ и образцамъ товаровъ имперскій судь признаетъ, что ихъ доставка частными перевозочными предпріятіями или ихъ служащими недопустима.

Тарифные договоры въ Германіи въ 1908 году.

Въ 1908 году въ Германіи было вновь заключено 2252 тарифныхъ договора между работодателями и рабочими, которые обнимаютъ 50459 предпріятій съ общимъ числомъ рабочихъ въ 411265 человекъ. Въ 1907 году число заключенныхъ тарифныхъ договоровъ было значительное, а именно 2782 договора, имѣвшихъ силу для 52369 предпріятій съ 441365 рабочими, иначе говоря, 1908 годъ обнаружилъ пониженіе числа новыхъ тарифныхъ договоровъ приблизительно на 20%. За тотъ же періодъ времени было прекращено дѣйствіе 1961 тарифнаго договора въ 37852 предпріятіяхъ съ 349298 рабочими. Такимъ образомъ, все же общее число дѣйствовавшихъ къ 1-му января 1909 года тарифныхъ договоровъ было выше, чѣмъ ихъ число къ 1-му января 1908 г., а именно: съ 5380 договоровъ, имѣвшихъ

силу по отношенію къ 110—071 предпріятіямъ съ 970700 рабочихъ въ 1907 году, ихъ число возрасло къ 1-му января 1909 года до 5671 договора для 120401 предпріятія съ 1026435 рабочими. Такъ какъ общее число рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ Германіи равнялось по послѣдней промышленной переписи 1907 года приблизительно 10½ миллионъ лицъ, то можно сказать, что около 1/10 всѣхъ германскихъ рабочихъ работаютъ на условіяхъ, въ большей или меньшей степени опредѣленныхъ путемъ тарифныхъ договоровъ. По профессіямъ сильнѣе всего участвуютъ въ тарифныхъ соглашеніяхъ рабочіе гражданскихъ искусствъ (36,2%), затѣмъ строительные рабочіе (27,1%) и т. д.

Борьба съ трестами въ Америкѣ.

Союзное правительство сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ возбудило въ 1906 году передъ федеральнымъ окружнымъ судомъ дѣло противъ общества Standard Oil Company въ штатѣ Нью-Джерсей, противъ 7 его служащихъ и 70 составляющихъ общество корпораций. Поводомъ для обвиненія послужило заключеніе обществомъ соглашения, имѣющаго цѣлью монополизацію керосинового дѣла. Въ этихъ дѣйствіяхъ союзное правительство усмотрѣло нарушение извѣстнаго закона „Sherman'a“ отъ 2-го іюля 1890 года. Этотъ законъ объявляетъ недопустимымъ и противозаконнымъ всякій договоръ и всякое объединеніе въ формѣ треста или въ иной формѣ и всякій заговоръ, направленный на затрудненіе торговыхъ и иныхъ сношеній между штатами или штатовъ съ иностранными государствами. Статьи 1 и 2 закона грозятъ наказаніемъ всѣмъ лицамъ, которые заключаютъ подобнаго рода договоръ или вступаютъ въ преслѣдуемое такую цѣль сообщество, которые монополизировать или пытаются монополизировать часть торговыхъ или иныхъ сношеній отдѣльныхъ американскихъ штатовъ между собой или съ иностранными государствами или, наконецъ, которые въ этихъ дѣльяхъ объединяются съ однимъ лицомъ или со многими лицами.—Означенное выше дѣло лишь въ концѣ ноября с. г. закончилось приговоромъ федеральнаго окружнаго суда, въ которомъ признается, что Standard Oil Company злоупотребило своимъ могущественнымъ положеніемъ, чтобы устранить всякую конкуренцію въ торговлѣ керосиномъ, чтобы односторонне устанавливать цѣны и опредѣлять количество отпускаемаго товара. На этомъ основаніи общество должно быть распущено и ему запрещается, опираясь на владѣніе акціями подконтрольныхъ обществъ, имѣть надъ ними надзоръ, руководить ихъ дѣятельностью и принимать участіе въ ихъ голосованіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ подконтрольнымъ обществамъ запрещается представлять Standard Oil Company право на голосъ на основаніи принадлежащихъ ей акцій, а также выплачивать Standard Oil Company дивиденды, причитающіяся ей на основаніи находящихся въ ея владѣніи акцій. Изъ 70 составляющихъ Standard Oil Company корпораций 37 также были объявлены подлежащими распущенію. При оцѣнкѣ состоявшагося рѣшенія надо имѣть въ виду, что Standard Oil Company представляла собой не чистую форму треста, а типъ такъ назыв. Holding Company. Подъ трестомъ понимается такая форма объединенія акціонерныхъ обществъ, когда они вручаютъ свои акціи консорціуму, выдающему взамѣнъ акцій сертификаты и становящемуся руководителемъ объединяющихся обществъ. Послѣ того, какъ Sherman Act сдѣлалъ такое объединеніе невозможнымъ, возникла форма Holding Company, заключающаяся въ учрежденіи спеціальнаго общества, которое приобретаетъ акціи обществъ, подлежащихъ подчиненію

общему контролю, и которое для этой цѣли само выпускаетъ акціи.

Хотя такого рода Holding Companies точо также попадаютъ подъ дѣйствіе законодательства противъ трестовъ, и даже состоялся рядъ судебныхъ рѣшеній и противъ Holding Companies, все же Standard Oil Company, распущенная еще въ 1891 году, возобновила свое дѣйствіе подъ видомъ 20 разрозненныхъ на видъ обществъ, которыя въ 1900 году, пользуясь благоприятнымъ правомъ коалицій штата Нью-Джерсей, слились въ нынѣшнюю Standard Oil Company of Nev Jersey.—Состоявшееся рѣшеніе окружнаго суда обжаловано уже Standard Oil Компаніей въ высшій федеральный судъ, постановленіе котораго, однако, предсказать нельзя, такъ какъ его толкованіе Sherman Act'a опредѣляется преимущественно конкретными обстоятельствами cadaго даннаго случая.

Имперское молочное управленіе.

Германская бюрократія задумалась и до такого учрежденія, какъ Reichsmilchamt, т. е. имперское молочное управленіе. Пока, впрочемъ, оно только еще проектируется, причѣмъ авторъ проекта, нѣкій д-ръ Левишъ, указываетъ на необходимость учета огромнаго молочнаго хозяйства Германіи. По собранымъ имъ даннымъ производительность Германіи равняется 25½ миллиардамъ литровъ молока въ годъ, представляющимъ собой дѣйстви въ 2,1 миллиарда марокъ. Такое огромное производство нуждается, по мнѣнію Левиша, въ статистическомъ учетѣ, для чего онъ предлагаетъ учредить на мѣстахъ молочные комитеты (Milchämter), составленные изъ членовъ городскихъ управленій, химиковъ, техниковъ, ветеринаровъ, сельскихъ хозяевъ, молочныхъ торговцевъ и спеціалистовъ по молочному дѣлу. Собираемые этими комитетами данныя должны регулярно препроводяться въ имперское молочное управленіе, которое должно ихъ сводить и обрабатывать. Этой дѣятельности авторъ проекта приписываетъ то значеніе, что полученныя статистическія данныя могутъ быть широко использованы съ экономической, а главное съ гигиенической точки зрѣнія. Онѣ помогутъ рационально поставить снабженіе скота хорошимъ кормомъ и полученіе действительно доброкачественнаго молока, что имѣетъ особенное значеніе для народнаго здравія (вскармливаніе дѣтей и т. п.).

Барту о публичности смертной казни.

Въ палатѣ депутатовъ, во время обсужденія бюджета министерства юстиціи, депутатъ Стэгъ поднялъ вопросъ о необходимости борьбы съ тѣми отвратительными сценами, которыя неизмѣнно разыгрываются каждый разъ вокругъ эшафота, благодаря публичности смертной казни.

Рѣчь Стэга вызвала любопытное заявленіе французскаго министра юстиціи.

„Въ министерствѣ Клемансо—сказалъ Барту—я былъ сторонникомъ отмены смертной казни не только изъ чувства солидарности съ моими товарищами по кабинету, но и благодаря моему глубокому убѣжденію въ негодности этой мѣры наказанія. Заявленія г. Стэга вполне основательны. Противъ условій, въ какихъ совершается у насъ смертная казнь, протестуютъ давно. Обстоятельство, сопровождающія ея выполненіе,—скандальны. И, нужно сказать, что если смертная казнь сохраняется, то ее слѣдуетъ совершать либо днемъ въ наиболѣе публичномъ мѣстѣ, а не на зарѣ, какъ теперь, либо—если этого боятся или не желаютъ—въ стѣнахъ тюрьмы. И разъ въ дальнѣйшемъ смертная казнь остается, то я являюсь сторонникомъ послѣдняго способа ея выполненія. Въ этомъ смыслѣ предло-

женъ уже вашему вниманію законопроектъ, и, когда мы займемся его обсужденіемъ, я буду имѣть случай полнѣе выказать отношеніе правительства къ смертной казни вообще и къ предлагаемой мѣрѣ уничтоженія ея публичности въ частности“.

Жалоба кухарки.

Въ шестой камерѣ сенскаго суда разсматривался искъ въ 500 франковъ, предъявленный Маріей Пу къ своей бывшей хозяйкѣ Макъ-Метри. Свою претензію Марія Пу основывала на томъ, что Макъ-Метри, выдавъ ей аттестатъ, свидѣтельствующій „объ ея добросовѣстности и умѣній варить“, въ то же время сообщила тайнымъ образомъ неблагоприятныя для нея свѣдѣнія лицамъ, наводившимъ о ней справки, благодаря чему Марія Пу не могла получить новаго мѣста.

Судъ призналъ въ принципѣ претензію обиженной кухарки вполне законною, такъ какъ конфиденціальныя сообщенія ея бывшей хозяйки свидѣлствуютъ о недобросовѣстности послѣдней, въ виду выданнаго ею же аттестата, характеризующаго Марію Пу совершенно другимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе въ искѣ г-жи Пу было отказано, такъ какъ ей не удалось установить непосредственной связи между слухами, распространявшимися о ней хозяйкой и тѣми причинами, благодаря которымъ она систематически не получала мѣста.

Любопытный случай опроверженія завѣщанія.

Нѣкій Дюваль, умершій въ 1904 г., завѣщалъ архіепископу парижскому, кардиналу Ришару, все свое имущество, пользовавшаго которымъ остается за женою завѣщателя, а послѣ смерти послѣдней переходить къ архіепископу Ришару или его наслѣдникамъ. Свой даръ завѣщатель дѣлаетъ, обуславливая его обязательствомъ архіепископа и его наслѣдниковъ „распредѣлять ежегодный доходъ съ наслѣдства среди бѣдныхъ и несчастныхъ всѣхъ приходоу Парижа“. Въ видѣ признательности за свой даръ завѣщатель желаетъ, чтобы возможно чаще возносились молитвы и устраивались обѣды за упокой его души.

Законный наслѣдникъ Дювала, его племянникъ Куртье, опротестовалъ завѣщаніе, требуя его опроверженія, въ виду того, что послѣ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства вмѣшательство кардинала должно быть разсматриваемо, какъ незаконная попытка вліять на волю завѣщателя, противорѣчащая также ст. 900 Code civil, считающей недействительными тѣ изъ условій, указанныхъ въ завѣщаніи, которыя противорѣчатъ добрымъ нравамъ или существующимъ законамъ. Послѣднему абзацу и противорѣчить, по мнѣнію истца, завѣщаніе Дювала.

Отвѣтчикъ, напротивъ, указываетъ на то, что онъ является легатаріемъ не въ качествѣ представителя церкви, а въ качествѣ частнаго лица, и слѣдовательно онъ вправѣ сосредоточить въ своихъ рукахъ завѣщанное ему состояніе.

Встрѣчный искъ, наконецъ, представляется также официальнымъ учрежденіемъ общественной помощи (Assistance publique), заявляющимъ о томъ, что дѣйствительнымъ владѣльцемъ legata является оно, такъ какъ послѣдній въ сущности завѣщанъ бѣднымъ г. Парижа, получающимъ обычно помощь отъ „Assistance publique“. Общество соглашается съ архіепископомъ, что послѣдній не побуждалъ завѣщателя дѣлать свой даръ церкви и что воля послѣдняго была свободна. Поэтому „Assistance publique“, принимая даръ, беретъ на себя обязательство распредѣлять доходъ среди бѣдныхъ черезъ архіепископа и выполнить остальную часть завѣщанія, т. е. официально предложить архіепископу парижскому распорядиться о служеніи обѣдѣ, такъ какъ послѣ-

нія согласно завѣщанію, защищаемому самимъ архіепископомъ, должны совершаться безплатно.

Представитель прокуратуры согласился съ доводами, приведенными „Assistance publique“.

Сенскій окружный судъ, гдѣ разбиралось настоящее дѣло, вынесъ однако рѣшеніе въ пользу законнаго наслѣдника Куртье, мотивируя свое постановленіе слѣдующимъ образомъ.

Назначая легатаріемъ архіепископа парижскаго, Дюваль считался съ его постомъ и его функциями, а не съ его личными человѣческими достоинствами. И съ этой точки зрѣнія мотивы истца основательны.

Претензія „Assistance publique“ должна быть также отвергнута, такъ какъ оно беретъ на себя функцію распредѣлять доходъ съ legata черезъ представителя церкви и слѣдить за выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, т. е. признаетъ обязательство, недопустимыя для официального французскаго учрежденія, выполненіе которыхъ оно, къ тому, не можетъ гарантировать послѣ закона объ отдѣленіи.

Въ дѣйствительности—заключаетъ рѣшеніе суда—г. Дюваль, инспирированный своей христіанской вѣрой, хотѣлъ облагодѣтельствовать бѣдныхъ католиковъ. Эта идея и опредѣлила волю завѣщателя. Но такъ какъ его воля не можетъ быть теперь исполнена въ законномъ порядкѣ, то наслѣдство согласно интерпретаціи, даваемой юриспруденціей ст. 900, должно перейти во владѣніе законнаго наслѣдника, г-на Куртье.

ХРОНИКА.

Прав. сенатъ разъяснилъ, что требованіе закона 31 мая 1904 г., по точному смыслу его, относится къ опредѣленіямъ городскихъ думъ о заключеніи съ предпринимателями самихъ договоровъ объ устройствѣ общественныхъ сооружений и слѣдовательно къ постановленіямъ думы объ избраніи комиссіи только для одного предварительнаго разсмотрѣнія такого договора примѣненія имѣть не можетъ. (Указъ прав. сената 26 ноября 1909 г. № 11937).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что городское управленіе не освобождается отъ возмѣщенія расходовъ по содержанію и леченію, въ тѣхъ случаяхъ, когда служителя полицейскихъ командъ пользовались въ больницахъ приказомъ общественнаго призрѣнія отъ сифилиса или другихъ венерическихъ болѣзней. (Указъ прав. сената 26 ноября 1909 г. № 11940).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что установленное п. 6 ст. 138 гор. пол. 1892 г. ограниченіе участія городовъ въ расходахъ по содержанію полиціи въ томъ числѣ и по снабженію ея квартирнымъ довольствіемъ—дѣйствующими штатами и росписаніями должно быть понимаемо въ смыслѣ опредѣленія размѣра расходовъ на содержаніе полиціи, сообразно установленному штатами и росписаніями числу чиновъ полиціи. (Указъ прав. сената 26 ноября 1909 г. № 11941).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что заведенія, освобожденные по уст. о прям. налогѣ отъ выборки промысловаго свидѣтельства, не подлежатъ освобожденію

нiю отъ уплаты земскаго сбора въ томъ случаѣ, если заведенiя эти привлекаются земствомъ къ уплатѣ земскаго сбора не какъ заведенiя промышленнаго характера, а на одинаковыхъ основанiяхъ съ имуществами, не имѣющими промышленнаго характера, если таковыя въ уѣздѣ вообще привлекаются земствомъ къ уплатѣ земскаго сбора. (Указъ правит. сената 26 ноября 1909 г. № 11943).

Дѣйствiе введеннаго въ нижегородской губернiи положенiя усиленной охраны продолжено по 4 сентября 1910 г. или по срокъ изданiя новаго закона объ исключительномъ положенiи, если законъ этотъ состоится ранѣе 4 сентября 1910 г.

Срокъ дѣйствiя введеннаго въ вятской губернiи положенiя усиленной охраны продолженъ по 4 сентября 1910 года или по срокъ изданiя новаго закона объ исключительномъ положенiи, если законъ этотъ состоится ранѣе 4 сентября 1910 года.

Подготовительныя работы по организации особаго суда по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ до 17 лѣтъ заканчиваются.

Особый судъ начнетъ функционировать съ 1 января 1910 года.

Спб. столичный мировой съѣздъ избралъ на должность особаго судьи для несовершеннолѣтнихъ мирового судью Н. А. Окунева. Послѣднiй состоитъ мировымъ судьей въ теченiе 20 лѣтъ и специально занимался вопросомъ о судѣ для несовершеннолѣтнихъ. Съ цѣлью практическаго ознакомленiя съ постановкой дѣла на Западѣ, Н. А. Окуневъ посѣтилъ Англiю, Шотландiю и Германiю. Въ Россiи Н. А. Окуневъ явился однимъ изъ инициаторовъ особаго суда и первый сдѣлалъ въ своемъ участiѣ практическiй опытъ разсмотрѣнiя дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ въ особыхъ засѣданiяхъ мирового суда. На должность платныхъ особыхъ попечителей, на обязанности которыхъ возложенъ надзоръ за несовершеннолѣтними преступниками и всесторонняя защита ихъ интересовъ, приглашены четыре учителя городскихъ училищъ и одна извѣстная въ уѣздѣ учительница Е. И. Чичагова, недавно справлявшая 25-лѣтнiй юбилей своей педагогической дѣятельности. Кромѣ того, получено много предложенiй отъ разныхъ лицъ обоюго пола о желанiи бесплатно нести обязанности особыхъ попечителей.

По примѣру Петербурга, организуется особый судъ для несовершеннолѣтнихъ въ Москвѣ. Инициаторомъ возбужденiя вопроса въ Москвѣ явился мировой судья Маттери. Московскiй мировой съѣздъ вошелъ уже съ своей соотвѣтствующимъ представленiемъ въ московскую городскую думу и обратился къ предсѣдателю спб. столичнаго мирового съѣзда съ просьбой о присылкѣ всѣхъ матеріаловъ по этому вопросу.

Кромѣ того, вопросъ объ организации особаго суда для несовершеннолѣтнихъ возбужденъ и въ Тифлисѣ.

На одномъ изъ первыхъ засѣданiй государ. думы, послѣ рождественскихъ каникулъ будетъ разсматриваться законопроектъ о страхованiи рабочихъ на случай болѣзни.

Дѣйствiе этого законопроекта, по проекту министра торговли и промышленности, будетъ распространено на фабрично-заводскiя, горныя, горнозаводскiя, желѣзнодорожныя и др. предпрiятiя, въ которыхъ при двадцати, не менѣе, рабочихъ, примѣняются паровыя котлы или машины, приводимыя въ дѣйствiе силами природы. Обеспеченiемъ на случай болѣзни пользуются всѣ, которые получаютъ не выше 1.500 руб. въ годъ. Для страхованiя рабочихъ на случай болѣзни при заводскихъ предпрiятiяхъ учреждаются больничныя кассы. Врачебная помощь предоставляется рабочимъ за счетъ владѣльца предпрiятiя. Кромѣ того, совѣту по дѣламъ страхованiя рабочихъ предоставляется право подчинить дѣйствiю настоящаго законопроекта и тѣ предпрiятiя, въ которыхъ при примѣненiи ими паровыхъ котловъ или машинъ число постоянно занятыхъ рабочихъ менѣе двадцати, но не менѣе пяти.

Больничныя кассы устраиваются въ предпрiятiяхъ съ постояннымъ числомъ рабочихъ не менѣе четырехсотъ. Предпрiятiя съ меньшимъ числомъ рабочихъ соединяются съ другими предпрiятiями и образуютъ одну общую кассу.

Средства больничныхъ кассъ образуются изъ взносов участниковъ кассы (получающихъ выше 1.500 руб.), взносов работодателей, доходовъ съ имущества кассы, пособiй и пожертвованiй, денежных взисканiй, налагаемыхъ на основанiи дѣйствующихъ узаконенiй на рабочихъ и предпринимателей, и случайныхъ поступленiй.

Дѣлами кассы завѣдуютъ общiя собранiя участниковъ кассы и ея правленiе.

Больничныя кассы выдаютъ застрахованнымъ лицамъ денежныя пособiя: 1) въ случаяхъ болѣзни или увѣчи, связанныхъ съ утратой трудоспособности, въ размѣрахъ: для семейныхъ отъ половины до двухъ третей и для одинокихъ—отъ одной четверти до половины заработка, 2) участникамъ кассы, по случаю родовъ—въ размѣрѣ отъ половины до двухъ третей заработка и 3) на погребенiе участниковъ кассы.

Этотъ законопроектъ въ настоящее время разсматривается въ рабочей комиссиi гос. думы.

Черкасской городской думой—постановлено возбудить ходатайство объ открытiи въ Черкассахъ окружнаго суда.

Нѣкто Григорьевъ въ сентябрѣ текущаго года долженъ былъ исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ во время сессii его въ Ямбургѣ. Явившiйся въ судъ Григорьевъ попросилъ предсѣдателя позволить ему сказать слово. Предсѣдатель разрѣшилъ и онъ сказалъ: «Участвовать въ судѣ своего ближняго я не могу, это мѣшаетъ моему нравственному возрожденiю и самосовершенствованiю. Но чтобы мои слова не были голословными, я ссылаюсь на авторитетъ Евангелiя. Исусъ сказалъ: «Не суди».—«Ваше заявленiе будетъ судомъ разсмотрѣно!..» Прокуроръ съ своей стороны заявилъ: «Въ виду отказа присяжнаго засѣдателя Григорьева отъ возложенныхъ на него обязанностей государственныхъ считать его какъ не явившагося».—«Нѣтъ, я здѣсь присутствую,—заявилъ Григорьевъ,—

но отказываюсь от суда ближняго». Судъ вышелъ на совѣщаніе и, возвратившись, приговорилъ его къ 10-ти рублевому штрафу и позволилъ уйти. 21-го ноября черезъ ябургское полицейское управление Григорьевъ получилъ отъ прокурора петербургскаго окружнаго суда бумагу, въ которой сказано: «За отказъ отъ исполненія обязанностей присяжнаго заседателя въ сессію съ 22-го по 25-е сентября 1909 года въ городѣ Ябургѣ взыскать 10 рублей штрафа». На этой бумагѣ Григорьевъ сдѣлалъ надпись: «Исполняя ученіе Иисуса Христа, я судить и судиться не буду. Штрафъ мною будетъ уплаченъ въ ябургское князачейство».

По распоряженію старшаго предсѣдателя харьковской судебной палаты закрыто консулѣціонное бюро присяжныхъ повѣренныхъ, существовавшее 10 лѣтъ.

Въ текущемъ году петербургскимъ окружнымъ судомъ было обращено къ дослѣдованію дѣло по обвиненію крестьянина Пушкина въ убійствѣ вдовы ст. сов. Нотовичъ. Въ результатѣ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за подстрекательство къ убійству агентъ по обнаруженію политической пропаганды Румянцевъ. Однако уже послѣ врученія обвинительнаго акта петербургскій градоначальникъ Драчевскій 9-го декабря потребовалъ снять означенное дѣло съ гражданской подсудности и передать его въ военный судъ. Въ виду этого требованія петербургскій окружной судъ снялъ дѣло Пушкина и Румянцева съ очереди и передалъ его для дальнѣйшаго направленія въ судебную палату. Петербургская судебная палата однако выяснила, что административная власть въ мѣстахъ, объявленныхъ на чрезвычайной охранѣ, имѣетъ право снимать съ нормальной подсудности лишь тѣ общія уголовныя дѣла, которыя еще не поступали въ судебныя установленія, а находятся въ стадіи дознанія или предварительнаго слѣдствія. Поэтому судебная палата, согласившись съ доводами защитника крестьянина Пушкина, прис. пов. Дубосарскаго, отмѣнила опредѣленіе петербургскаго окружнаго суда, и самое дѣло постановила возвратить въ судъ для направленія его согласно обвинительнаго акта.

Въ засѣданіи сб. судебной палаты, при слушаніи ряда дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ, произошелъ инцидентъ, имѣющій принципиальное значеніе для выясненія правъ защитниковъ въ отношеніи доступа къ обзору производства дѣлъ ихъ кліентовъ. Защищавшій по назначенію отъ суда обвинявшихся по тремъ дѣламъ, изъ которыхъ одинъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги, прис. пов. Хоментовскій заявилъ предсѣдательствовавшему хатайство объ отложеніи дѣла въ виду того, что ему

не было предоставлено возможности изучить дѣло въ достаточной для защиты полнотѣ. При этомъ Хоментовскій подалъ въ палату пространное письменное заявленіе, въ которомъ указываетъ, что практикуемое палатою назначеніе времени для ознакомленія съ дѣломъ не только въ различные часы, но и въ различные дни, иногда съ большими промежутками лишаетъ защиту, предоставленнаго ей закономъ права ознакомленія съ дѣломъ за недѣлю до его слушанія. Ходатайство прис. пов. Хоментовскаго палатою было удовлетворено, а заявленіе его занесено въ протоколъ.

Въ кременчугской тюрьмѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ крестьявиномъ Иваицимъ, приговореннымъ къ смертной казни за вооруженное нападеніе.

Въ Екатеринославѣ приведены въ исполненіе смертные приговоры надъ Зуйченкомъ и Литвиченко.

С.-Петербургское юридическое общество.

Въ засѣданіи юридическаго общества 3-го декабря 1909 года подъ предсѣдательствомъ профессора А. А. Жижиленко, В. Д. Набоковымъ сдѣланъ докладъ (по уголовному отдѣленію) на тему: „Дуэль и уголовный законъ“¹⁾.

Докладъ вызвалъ весьма оживленные пренія, занявшія и слѣдующее засѣданіе 8-го декабря.

Первымъ изъ оппонентовъ въ засѣданіи 3 декабря говорилъ А. И. Гиллерсонъ. Призывая, что съ точки зрѣнія житейской морали едва ли можно найти какое-либо оправданіе для дуэли, А. И. Гиллерсонъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ оцѣнку дуэли, сдѣланную докладчикомъ, неправильной и односторонней. Вопросъ о дуэли не слѣдуетъ разсматривать исключительно съ точки зрѣнія житейской морали, необходимо выяснитъ прежде всего историческое происхожденіе института—что, въ сжатію, въ недостаточной мѣрѣ сдѣлано докладчикомъ. Корни дуэли исторически восходятъ къ „Божьему суду“—институту, возникшему самостоятельно у различныхъ народовъ (въ Германіи, напр., около VI ст.) и игравшему значительную роль въ процессѣ. Именно, въ случаѣ отсутствія доказательствъ на судѣ, споръ разрѣшался съ помощью „Божьяго суда“, у насъ—въ формѣ „дѣлованія креста“, „поединка въ полѣ“ и т. п. Между прочимъ, псковская судная грамота признавала бой даже и для женщинъ, причемъ послѣднимъ запрещалось посылать вмѣсто себя „наимитовъ“. Первымъ противъ поединка у насъ выступилъ митрополитъ Фотій въ 1410 году. Въ XVI вѣкѣ институтъ въ этой формѣ вымираетъ, и вмѣсто него появляется институтъ современной дуэли въ тѣсномъ смыслѣ, какъ способа восстановленія оскорбленной чести. Несмотря на различіе характера и области

¹⁾ См. „Право“ №№ 50 и 51.

примѣненія института, принцип остался въ сущности тотъ же. Предположимъ, дѣло идетъ о чести близкихъ лицъ, напр., матери, сестры и т. п.: въ такихъ случаяхъ восстановление чести судомъ часто оказывается чрезвычайно труднымъ и къ тому же тягостнымъ для этихъ лицъ; не говоря уже о возможности недобросовѣстныхъ свидѣтельскихъ показаній и т. п., приходится разоблачать интимныя стороны жизни, дѣлать ихъ достояніемъ толпы. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ дуэль представляется необходимымъ и незаменимымъ орудіемъ восстановления чести. Правда, въ Англіи, напр., какъ указалъ уже докладчикъ, дуэли совершенно вышли изъ употребленія (послѣдняя дуэль, впрочемъ, имѣла мѣсто не въ 1843 году, какъ полагаетъ докладчикъ, а въ 1845 году), но вѣдь нельзя забывать, что въ Англіи судъ и отношеніе къ нему совершенно иные, чѣмъ у насъ; и лишь при такой независимости и такомъ авторитетѣ, какими пользуется судья въ Англіи, возможно фактическое упраздненіе дуэли. Во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго вытекаетъ, что нельзя ни въ какомъ случаѣ согласиться съ докладчикомъ, предлагающимъ исключить дуэль, какъ delictum sui generis, изъ уголовного кодекса и карать ее по послѣдствіямъ. Что же касается практическихъ результатовъ такого исключенія въ смыслѣ уменьшенія числа дуэлей, то самъ докладчикъ въ своихъ тезисахъ признаетъ, что предложеніе его не можетъ имѣть большого значенія. Далѣе, по поводу правилъ о дуэли 1894 года слѣдуетъ замѣтить, что критика ихъ со стороны докладчика не вполне справедлива. Отдавая рѣшеніе вопроса о дуэли на судъ общества офицеровъ, правила эти преслѣдуютъ собственно тройную цѣль: 1) устранить возможность возникновенія дуэлей между офицерами по мелкимъ ничтожнымъ поводамъ; 2) сдѣлать обязательной для военныхъ дуэль при наличии важныхъ, серьезныхъ оскорбленій чести и 3) вывести офицера изъ затруднительнаго положенія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ не знаетъ, долженъ ли онъ себя считать оскорбленнымъ, или нѣтъ. Конечно, эти правила въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не выдерживаютъ критики, особенно, если принять во вниманіе, что собственно статьи улож. о нак. формально еще не отмѣнены въ отношеніи военного сословія. Но все же правила эти, какъ видимъ, не лишены извѣстнаго резона, и аналогичныя правила дѣйствуютъ во многихъ арміяхъ.

Но и независимо отъ вышесказаннаго, предлагаемая докладчикомъ законодательная мѣра противъ дуэли едва ли своевременна. Докладчикъ самъ признаетъ возможность слѣдующаго возраженія: „стоитъ ли огорять городить, когда у насъ совершается столько казней и самоубійствъ?“ Съ этимъ возраженіемъ нельзя не согласиться, и притомъ — не только въ виду незначительнаго въ общемъ числа дуэлей, но и по болѣе важнымъ, принципиальнымъ основаніямъ: въ той странѣ, гдѣ нѣтъ элементарныхъ условий законности, — тамъ, гдѣ нельзя достойно жить, не мѣшайте иногда достойно умереть!

П. И. Люблинскій, соглашаясь съ главнѣйшими положеніями выслушаннаго интереснаго доклада, находитъ практическія предложенія докладчика, содержащіяся въ приложенномъ къ тезисамъ „примѣрномъ проектѣ закона“, неприемлемыми съ точки зрѣнія той именно цѣли, которая лежитъ въ основѣ всего доклада. Въ сущности, косвенное признаніе этого несоответствія мы находимъ у самого докладчика, который, требуя усиленія уголовной репрессіи противъ дуэли, въ то же время въ первомъ своемъ тезисѣ признаетъ безцѣльность такой законодательной политики въ борьбѣ съ обычасемъ дуэли. Для правильнаго уясненія этой безцѣльности необходимо имѣть въ виду, что уже съ самаго начала возникновенія дуэли она заключала въ себѣ вызовъ праву. Понятно поэтому, что въ борьбѣ съ дуэлью элементъ права не могъ играть сколько-нибудь серь-

езной роли. Прежде всего, уже исторически установившійся взглядъ на дуэль, какъ на нѣчто „благородное“, обрекалъ на неудачу всякую попытку воздѣйствія на дуэль путемъ угрозы. Но и независимо отъ этого традиціоннаго отношенія къ дуэли, послѣдняя по существу исключаетъ возможность воздѣйствія на дуэлянтовъ путемъ обычной уголовной репрессіи: въ самомъ дѣлѣ, не странно ли угрожать кратковременнымъ лишеніемъ свободы тому, кто жертвуетъ гораздо болѣе цѣннымъ благомъ — жизнью. Нельзя поэтому не признать, что прежнія законодательства ноступали совершенно послѣдовательно, не ограничиваясь по отношенію къ дуэлянтамъ одной лишь угрозой смертной казни, а усиливая ее добавочной угрозой въ смыслѣ примѣненія къ участникамъ дуэли разныхъ сопровождающихъ казнь позорящихъ наказаній: угрозой повѣсить казеннаго за ноги, отволочить въ „безчестное“ мѣсто и т. п. Наконецъ, послѣдняя особенность дуэли, затрудняющая воздѣйствіе на дуэлянтовъ путемъ репрессіи, заключается въ томъ внутреннемъ раздвоеніи, которымъ обычно характеризуется психологія участниковъ дуэли, — въ конфликтѣ между двумя нормами: уголовной и моральной. При такомъ внутреннемъ конфликтѣ угроза уголовной репрессіей не достигаетъ цѣли. Сказаннымъ объясняется, почему, какъ это показалъ уже докладчикъ, дуэль процвѣтала и въ періоды усиленія уголовной репрессіи, равно какъ этимъ же объясняется и то обстоятельство, что репрессіи эти фактически (напр., во Франціи) почти никогда не примѣнялись, оставаясь лишь на бумагѣ. При такомъ несоответствіи дѣйствительнаго положенія съ писаннымъ закономъ, естественно возникаетъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли лучше ослабить репрессію вмѣсто того, чтобы ее усиливать, ибо при такой политикѣ, по крайней мѣрѣ, не столь явно дискредитируется судебная и государственная власть.

Переходя затѣмъ къ критикѣ предложеннаго докладчикомъ проекта, П. И. Люблинскій указываетъ на то, что для него осталось неяснымъ, какимъ образомъ возможно по системѣ докладчика конструировать наказуемость дуэли въ тѣхъ случаяхъ, когда она не имѣла послѣдствій. Вѣдь если ее наказывать, какъ покушеніе, то спрашивается — какъ покушеніе на что? на убійство, на тяжкую, на легкую рану? Какъ можно въ этихъ случаяхъ опредѣлить заранѣе то, что должно было бы послѣдовать, но въ дѣйствительности не послѣдовало? Болѣе послѣдовательно поэтому французская система, отрицающая возможность привлеченія за дуэль, не имѣвшую послѣдствій. Съ другой стороны, если стать на точку зрѣнія докладчика, то по предложенной имъ системѣ окажется, что въ качествѣ лицъ, отвѣстныхъ за происшедшія на дуэли послѣдствія, должны быть привлечены не только секунданты, но и недоносители, получатели и укрыватели — выводъ, который несомнѣнно идетъ гораздо дальше намѣреній докладчика, но который тѣмъ не менѣе логически вытекаетъ изъ предложенной имъ системы.

Въ заключеніе, слѣдуетъ указать на то, что для успешной борьбы съ дуэлью необходимо прежде всего уяснить себѣ функціи дуэли, иначе говоря — тѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ осуществляется путемъ дуэли. Что касается вышнихъ классовъ, то здѣсь исторически рѣшающую роль играютъ разныя формы этикета и традиціонныя формулы, въ родѣ, напр., „честь должна быть поставлена выше жизни“ и т. п. Несомнѣнно, однако, что въ настоящее время играетъ преимущественную роль уже лишь церемониальная, символическая сторона восстановленія чести. Между прочимъ, историческіе примѣры показываютъ намъ, что эта церемониальная сторона имѣетъ значеніе не только для восстановленія чести, но и другихъ благъ. Такъ, напр., въ Римѣ споры о землѣ нерѣдко рѣшались символическими дѣйствіями и обрядами. Далѣе весьма важнымъ элементомъ

дуэли является то, что ею автоматически упраздняется, прекращается споръ объ оскорбленіи, причѣмъ нѣтъ надобности входить въ интимныя стороны конфликта. Это—несомнѣнно весьма полезная сторона дуэли. Наконецъ, въ извѣстной степени сохранился еще и третій элементъ дуэли—предразсудокъ, требующій очищенія кровью обиды. Особенно это имѣетъ значеніе для того сословія, чье призваніе состоитъ въ томъ, чтобы кровью создавать право,—для сословія военнаго. Лишь выяснивъ такимъ образомъ элементы дуэли, можно рѣшить вопросъ о томъ, какия средства пригодны для борьбы съ дуэлью. Что касается историческихъ предразсудковъ и традицій, то съ ними борьба возможна путемъ печати и созданія съ этой цѣлью особыхъ организаций. Что же касается положительныхъ сторонъ дуэли, именно,—указанной автоматической ея функции, то въ этомъ отношеніи успѣшная борьба съ дуэлью возможна лишь при условіи замѣны дуэли такимъ способомъ разрѣшенія конфликтовъ, который обладалъ бы этой же положительной стороной дуэли. Эта цѣль въ значительной мѣрѣ достигается учрежденіемъ третейскихъ судовъ. Между прочимъ, по поводу упомянутыхъ выше общественныхъ предразсудковъ, распространенныхъ преимущественно въ высшихъ классахъ, слѣдуетъ сказать, что въ силу особыхъ условій у насъ борьба съ этими предразсудками, къ счастью, значительно легче, чѣмъ въ другихъ странахъ. Таковы дѣйствительныя мѣры борьбы съ дуэлью, способныя привести къ ея фактическому упраздненію. Что же касается уголовной репрессіи, то едва ли цѣлесообразно было бы прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы она могла оказаться болѣе или менѣе дѣйствительной.

В. Д. Плетневъ указываетъ на то, что при офнѣкѣ дуэли необходимо различать двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга историческія формы дуэли. Сперва дуэль была орудіемъ и проявленіемъ кулачнаго права вообще: такую роль дуэль играла, наир., въ итальянскомъ дворянствѣ въ XIII вѣкѣ. Лишь значительно позднѣе—около XVI вѣка—дуэль приобретаетъ тотъ характеръ, который ей присущъ и нынѣ,—характеръ восстановления оскорбленной чести. Въ то время, какъ въ первоначальной формѣ дуэль неотдѣлима отъ кулачнаго права вообще, въ послѣдующей формѣ она воплощаетъ въ себѣ право индивидуальности. Это различіе необходимо имѣть въ виду для усненія внутренней стороны дуэли. Сущность отношенія къ дуэли высшихъ классовъ (особенно во Франціи) характеризуется, наир., слѣдующими краткими изреченіями, приобретающими популярность въ высшихъ кругахъ общества: „Ударъ—и больше ничего“; „Побѣждать и жить—одно и то же“; „Эта рука всякому враждебна“. Какъ ни относиться къ этой внутренней сторонѣ дуэли, ея во всякомъ случаѣ нельзя игнорировать, и съ этой точки зрѣнія проектъ докладчика, провозглашающій дуэль однимъ изъ видовъ убійства, долженъ быть признанъ неприемлемымъ. Въ частности, по поводу первого тезиса доклада слѣдуетъ сказать, что докладчикъ слишкомъ умаляетъ роль репрессіи въ борьбѣ съ дуэлью. Если мы въ исторіи дѣйствительно наблюдаемъ часто ничтожное вліяніе репрессіи на развитіе дуэли, то это происходило оттого, что законодательство не было послѣдовательно, и одни эдикты смѣнялись нерѣдко другими, совершенно противоположными. При такихъ условіяхъ, разумѣется, о серьезномъ, длительномъ воздѣйствіи репрессіи на дуэль не могло быть рѣчи.

Весьма правильно указаніе докладчика на важность превентивныхъ мѣръ противъ развитія дуэлей, въ частности, на необходимость значительнаго усненія наказаній за обиды. Нельзя не признать, что столь ничтожное наказаніе, какъ семидневный арестъ за серьезную личную обиду, создаетъ зна-

чительный соблазнъ къ самоуправной защитѣ своей чести. Вообще же борьба съ дуэлью должна вестись общими культурными средствами, а не путемъ прямыхъ репрессій.

І. В. Гессенъ находитъ нѣкоторую непослѣдовательность въ докладѣ по вопросу о борьбѣ съ дуэлью путемъ уголовной репрессіи: разъ уголовное законодательство, какъ признаетъ и докладчикъ, можетъ имѣть отрицательное значеніе въ смыслѣ поощренія дуэли, то, логически продолжая эту мысль, слѣдуетъ признать, что законодатель можетъ и долженъ стремиться не только къ уничтоженію этого отрицательнаго вліянія, но и къ положительнымъ результатамъ. Дѣло, однако, въ томъ, что въ вопросѣ о дуэли центръ тяжести лежитъ вообще не въ логической сторонѣ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если стать на чисто логическую точку зрѣнія, то дуэль слѣдовало бы, собственно, карать даже строже, чѣмъ обыкновенное убійство; ибо послѣднее въ большинствѣ случаевъ совершается подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства, между тѣмъ какъ въ дуэли съ ея установленными заранее правилами, вызовомъ, принятіемъ, участіемъ секундантовъ и т. п. этотъ смягчающій элементъ, конечно, отсутствуетъ. Правда, когда эти обычай и правила дуэли несомнѣнно являлись прогрессомъ по сравненію съ господствовавшимъ простымъ кулачнымъ правомъ; но въ настоящее время едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣ эти правила представляются посягательствомъ на авторитетъ государственной власти. Такимъ образомъ, мы видимъ, что указанная непослѣдовательность относится, собственно, не только къ докладчику, но и къ самому закону. Во всякомъ случаѣ, поскольку дѣло касается логическаго опроверженія дуэли, доказательства ея моральной несостоятельности, то докладчикъ далъ намъ въ своемъ блестящемъ докладѣ столь уничтожающую критику дуэли, что логически отъ нея, можно сказать, ничего не осталось; ибо нельзя же серьезно считать обоснованіемъ дуэли девизы, вроде приведенныхъ предыдущимъ оппонентомъ: „Ударъ—и больше ничего“ и т. п. Дѣло, однако, въ томъ, что къ какой бы условности мы ни подошли съ чисто логическимъ критеріемъ, она, конечно, не выдержитъ такой критики. И тѣмъ не менѣе (а, можетъ быть, именно поэтому) для борьбы съ условностями така критика оказывается недостаточной; въ этой области приходится неизбежно становиться на ту же условную точку зрѣнія, на ту же почву предразсудковъ, и только такимъ путемъ возможна успѣшная борьба. Нельзя поэтому не выразить сожалѣнія о томъ, что докладчикъ не остановился болѣе подробно именно на этой сторонѣ дуэли. У насъ на этой почвѣ тѣмъ легче бороться съ дуэлью, что послѣдняя не пустила у насъ глубокихъ корней, а есть скорѣе нѣчто извнѣ навѣянное, нѣчто подражательное, какъ правильно указалъ и докладчикъ. Особенно это примѣнно къ дуэлямъ парламентскимъ. Неофиты цивилизаціи всегда заимствуютъ равнѣе всего ея отрицательныя стороны; то же произошло у насъ съ парламентскими дуэлями: у насъ, слава Богу, еще нѣтъ парламента, но зато мы являемся уже свидѣтелями парламентскихъ дуэлей. Правда, въ развитіи дуэлей у насъ бесспорно играютъ значительную роль общіе факторы, какъ, наир., обезцѣненіе жизни и т. п.; но не подлежитъ сомнѣнію, что у насъ имѣется опасность и самостоятельнаго развитія дуэли, полученія ею, такъ сказать, эпидемическаго характера. Докладчикъ совершенно правъ, отстаивая необходимость для законодателя поставить преграду развитію этой опасности путемъ измѣненія карательной системы по отношенію къ дуэли. При этомъ можно думать, что именно у насъ, въ виду указанного подражательнаго характера дуэли, являющейся у насъ какъ бы повѣтріемъ, уголовная репрессія окажется болѣе или менѣе дѣйствительной мѣрой противъ опаснаго развитія этого зла. Весь вопросъ для за-

ководателя заключается лишь в томъ, чтобы найти правильную среднюю линию, съ одной стороны, избѣгнувъ системы „почетныхъ“ наказаній, ставящихъ дуэль на „педесталь“, а, съ другой стороны, не наслѣду народной свѣсти, считающей съ внутренней стороны дуэли, съ особыми условиями этого дѣянія. Особое, весьма важное значеніе имѣеть, конечно, общественная борьба съ дуэлью и питающими ее предразсудками. И съ этой стороны слѣдуетъ двойнѣмъ пріветствовать выслушанный интересны докладъ, ибо въ этомъ отношеніи, быть можетъ, еще большее значеніе, чѣмъ самый докладъ, имѣеть то обстоятельство, что авторомъ его является В. Д. Набоковъ, публично, такимъ образомъ, заявившій себя убѣжденнымъ, принципиальнымъ противникомъ дуэли.

Кіевское юридическое общество.

Въ субботу, 5 декабря, въ университетѣ св. Владиміра подъ предѣлательствомъ проф. В. Удинцева состоялось очередное засѣданіе кіевского юридическаго общества, которое было посвящено докладу М. Дуганова на тему „Сдѣлки на разность“.

М. Дугановъ началъ свой докладъ съ того указанія, что въ практикѣ нашего кіевского суда по гражданскому отдѣленію возникло дѣло, разрѣшеніе котораго представило большія трудности въ виду пробѣла въ нашихъ гражданскихъ законахъ. Сущность этого дѣла сводится приблизительно къ тому, что нѣкто А предъявилъ искъ къ В на основаніи состоявшейся между ними сдѣлки, по которой В гарантировалъ А на 50 тысячъ пудовъ рафинада цѣну въ 5 руб. 4½ коп. за пудъ, т. е., если показанная въ годовомъ отчетѣ сахарнаго завода, принадлежащаго лицу С, пользующемуся общимъ довѣріемъ, цѣна будетъ ниже, то В уплачиваетъ разницу, если же она будетъ выше, то разницу платитъ А. Цѣна въостѣдствіи оказалась ниже условленной, но В отъ уплаты разницы отказался, тогда А предъявилъ къ нему искъ. Опредѣляя юридическій характеръ этой сдѣлки, докладчикъ пришелъ къ выводу, что это чистая сдѣлка на разность, контрагентъ которой имѣли въ виду не дѣйствительный обмѣнъ цѣнностей, а единственно полученіе разницы между биржевой и условленной цѣной. Это не есть смѣшанная сдѣлка на разность, между прочимъ, въ которой имѣется элементъ „сдѣлки на срокъ“, т. е. сдѣлка на срокъ съ намѣреніемъ поставки товара и лишь позже закончившаяся уплатой одной разницы, но это есть чистая „сдѣлка на разность“. Но какъ же смотритъ на этотъ родъ сдѣлокъ наука права? Цѣлый рядъ авторитетныхъ цивилистовъ относится отрицательно къ этимъ сдѣлкамъ. Мейеръ заявляетъ, что онѣ вредны, что онѣ разжигаютъ страсти и причиняютъ тотъ же вредъ, что и азартная игра и лотерея. Путемъ ихъ, кромѣ того, искусственно повышаются или понижаются цѣны товаровъ и бумагъ. Побѣдоносцевъ говорить, что биржевая игра вредна для общественной нравственности. Проф. Удинцевъ въ своемъ курсѣ торговаго права находить, что эти сдѣлки не только спекулятивныя, но и въ высшей степени рискованныя. Что касается законодательства, то они чаще уклоняются отъ преслѣдованія такихъ сдѣлокъ, такъ какъ запретительные законы не останавливаютъ ажіотажа. Но во Франціи до сихъ поръ „сдѣлки на разность“ запрещены. Въ Пруссіи сдѣлки эти до 1860 г. лишены были судебной защиты, теперь Германія относится къ нимъ снисходительнѣе. Запрещеніе „сдѣлокъ на разность“ существовало и въ Англіи. Въ русскихъ законахъ нѣтъ прямыхъ указаній, если не считать закона 8 іюня 1893 года,

говорящаго, впрочемъ, лишь о сдѣлкахъ на золотую валюту. Но правительствующій сенатъ въ своихъ авторитетныхъ рѣшеніяхъ лишаетъ судебной защиты искъ, возникшіе изъ азартныхъ и дозволенныхъ игръ, а поэтому должны быть лишены судебной защиты и искъ по сдѣлкамъ на разность, какъ принадлежащимъ къ биржевой игрѣ. Поэтому сдѣлка, лежащая въ основаніи приведеннаго выше иска, противорѣчитъ добрымъ правамъ и не имѣеть ни юридической, ни нравственной силы; она—игра, а долгъ по игрѣ, какова бы ни была игра, не пользуется защитой закона. Судъ въ искахъ отказалъ на основаніи ст. 1528, 1 ч. X т.

В. А. Удинцевъ въ общемъ согласенъ съ докладчикомъ. Онъ полагаетъ, что необходимо отличать „сдѣлки на срокъ“ отъ „сдѣлокъ на разность“; послѣднія сдѣлки несомнѣнно вредны. Отличать ихъ надо только не по отсутствію товара, а по намѣренію сторонъ. Проектъ гражданскаго уложенія именно и стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Но разбираясь въ намѣреніи контрагентовъ можетъ только судъ. Относительно же русскаго нынѣ дѣйствующаго законодательства можно сказать съ увѣренностью, что въ немъ весьма трудно найти точку опоры для признанія „сдѣлокъ на разность“, хотя прямого запрещенія этой сдѣлки въ законахъ и не имѣется. Проф. Удинцевъ, впрочемъ, сомнѣвается въ большей распространенности этихъ сдѣлокъ у насъ въ Россіи, такъ какъ настоящій случай является чуть ли не первымъ въ судебной практикѣ.

А. Н. Гедда полагаетъ, что прямого запрещенія въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ относительно сдѣлокъ на разность не имѣется. Но если мы обратимся къ иностраннымъ законодательствамъ, то мы можемъ тамъ замѣтить, что существовавшія раньше запрещенія относительно такихъ сдѣлокъ постепенно отменяются. Такъ, во Франціи такая отмена послѣдовала въ законѣ 1885 года.

П. Сабанѣвъ указываетъ собранію на то обстоятельство, что прочитанный докладъ разобранъ лишь съ одной стороны, не касаясь подкладки экономической: безъ каковой вопросъ правильно разрѣшенъ быть не можетъ. И если данныя сдѣлки на биржѣ имѣютъ подъ собою некоторую экономическую почву, то нельзя создать такихъ запретительныхъ мѣръ, коими можно было бы изгнать ихъ изъ биржи. Далѣе Сабанѣвъ сообщаетъ, что за 20-лѣтнюю бытность судьей въ бакинскомъ нефтяномъ районѣ онъ успѣлъ замѣтить, что еще въ то время, когда навигація на Каспійскомъ морѣ и Волгѣ была почти единственнымъ способомъ доставки нефти въ Европу, т. е. когда путями сообщенія можно было пользоваться лишь часть года, то во время отсутствія навигаціи только сдѣлки на разность поддерживали нормальныя цѣны на нефть. И потому такія сдѣлки являются экономической необходимостью, и должны быть защищаемы закономъ, такъ какъ не противны вовсе 1528 ст. X т. Относительно же того, что нѣкоторые сомнѣваются въ большой распространенности этихъ сдѣлокъ въ Россіи, то онъ полагаетъ, что онѣ, вѣроятно, регулируются третейскими судами и потому остаются неизвѣстными. Что же касается добрыхъ нравовъ, то биржа не имѣетъ возможности съ ними считаться, и если такъ ставить вопросъ, то онъ совершенно неразрѣшимъ. Если сдѣлки на разность воспретить, то онѣ уйдутъ въ подполье и станутъ гораздо вреднѣе. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ расходы по биржѣ въ Европѣ становятся все меньше и меньше, а между тѣмъ роль ея въ смыслѣ регулятора рынка становится все больше и больше. Предоставитъ же суду широкую свободу собственнаго усмотрѣнія въ признаніи или непризнаніи такихъ сдѣлокъ также врядъ ли целесообразно. Съ экономической стороны вся задача состоитъ въ улучшеніи рыночнаго освѣдомительнаго механизма.

В. Т. Тальберг обращает внимание собрания на то, что предыдущие ораторы опустили существенную особенность рассматриваемой сделки, послужившей основанием къ докладу. Въ этой сделкѣ идетъ рѣчь объ укладѣ какой-то изобрѣтеной на биржевомъ жаргонѣ „гаранти“ на цѣну, которая будетъ показана въ годовомъ отчетѣ кievскаго рафинаднаго завода. Здѣсь вѣтъ ни продажи, ни поставки сахару, вѣтъ даже никакого содѣйствія торговому обороту, а есть только возмутительная, неприличная, законами воспрещенная азартная игра. Сделки эти совершались и совершаются на кievской биржѣ ежедневно на сотни тысячъ рублей, и всѣ до сихъ поръ укрывались и разрывались въ тайникахъ биржевыхъ дѣльцовъ, и вотъ только одинъ изъ нихъ рискнулъ выйти на свѣтъ и втянуть судъ въ разрѣшеніе спора по неисполненію неприличной сделки. Такія сделки не должны пользоваться защитой суда.

Е. И. Левинскій обращается къ разбору 1528 ст. X т., именно на части о благочиніи въ сделкахъ «von meing»; въ заключеніи своей рѣчи онъ высказывается за то, что необходимо предоставить суду право разбираться въ намѣреніяхъ сторонъ. Устанавливать же какіе либо объективные признаки вѣтъ возможности.

Судебно-административная практика.

Примененіе къ заведеніямъ съ продажей крѣпкихъ напитковъ ст. 594 уст. акцизн. сбор. (ст. 36 полож. о казен. продажѣ питей).

По силѣ 594 ст. уст. акц. сбор., въ случаѣ обнаруженія акцизнымъ надзоромъ или полиціей въ заведеніяхъ, содержимыхъ частными лицами, отпуска крѣпкихъ напитковъ, въ обмѣнъ на какія-либо вещи, продукты и т. п., или подъ закладъ ихъ, а равно и другихъ злоупотребленій противъ общественной нравственности, заведенія сія, независимо отъ возбужденія въ подлежащихъ случаяхъ судебного преслѣдованія, закрываются по распоряженію губернатора по соглашенію съ управляющимъ съ акцизными сборами. Такое право было предоставлено губернатору съ введеніемъ законоположеній о казенной продажѣ питей. Въ основу этой реформы была положена мысль о самомъ близкомъ участіи адми-

нистративной власти въ урегулированіи питейной торговли, въ видахъ ея упорядоченія устраненія нежелательныхъ въ ней явленій, пагубно отражавшихся на общественной нравственности и народномъ здоровіи. При возложеніи такой задачи на администрацію, очевидно, представлялось необходимымъ вооружить ее надлежащими для того средствами (журн. общ. собр. гос. сов. 19 мая 1897 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ о казенной продажѣ питей). Къ такимъ средствамъ слѣдуетъ отнести и предоставленіе административнымъ органамъ права своевременно прекращать важныя злоупотребленія при продажѣ крѣпкихъ напитковъ, могущія угрожать общественной нравственности, совершенно независимо отъ возбужденія въ подлежащихъ случаяхъ судебного преслѣдованія. Приводимые въ 594 ст. уст. акцизн. сбор., въ видѣ примѣровъ сего рода злоупотребленій, продажа крѣпкихъ напитковъ въ обмѣнъ на какія либо вещи или отпускъ ихъ подъ закладъ—не имѣютъ нечленивающаго значенія, ибо наряду съ ними упоминается и о другихъ злоупотребленіяхъ, угрожающихъ общественной нравственности. Къ этимъ злоупотребленіямъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, отъ части которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна быть предоставлена всецѣло власти административной, можетъ быть причислена и продажа напитковъ въ неуказанное время. Къ этимъ особымъ условіямъ слѣдуетъ отнести и торговлю питеями въ неуказанные часы, если ограниченіе такой торговли имѣло своей цѣлью предупрежденіе развитія пьянства въ особо чтимые дни. Нѣтъ сомнѣнія, что этого рода злоупотребленія, способствуя упадку нравственности, имѣютъ равное, если не большее, общественное значеніе съ приведенными въ 594 ст. примѣрами. Поэтому и обнаруживаніе отпуска крѣпкихъ напитковъ изъ ренсковаго погреба въ воскресенье, до окончанія Божественной Литургіи, является злоупотребленіемъ, направленнымъ противъ общественной нравственности. Притомъ примѣненіе 1141 ст. уст. акцизн. сбор., освобождающей содержателей заведеній для торговли крѣпкими напитками отъ отвѣтственности за дѣйствія ихъ приказчиковъ, относится лишь къ нарушеніямъ, упомянутымъ въ отдѣлѣ о взысканіяхъ, помѣщенныхъ въ 1058, 1154 ст. уст. акцизн. сбор., между тѣмъ какъ предупрежденіе и пресѣченіе злоупотребленій, предусмотрѣнныхъ въ 594 ст. уст. акцизн. сбор., несомнѣнно лежитъ на обязанности содержателей заведеній для торговли крѣпкими напитками. (Ук. 25 ноября 1909 г.)

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 7-е января, по 1 экспед. судебного д-та.

Апелляціонныя: о свойствѣ несостоят. Капырина; по искамъ: Савина къ Распутину 3 000 р.; Петрова къ имущ. Синицина 2 000 р. съ проц.; моск. междунар. торгов. баяка съ русско-китайскаго банка 6 631 р. 55 к. съ проц.; Моргуновыхъ къ Рашилеву о 3 033 р. 59 к. съ проц.; по взаимнымъ искамъ: Сосьмья и Иташниковъ; Ялтушевскаго сах. завода къ російск. трансп. и страх. общ. 3 402 р. 25 к.; Весле къ имущ. Вайнгурта 9 374 р.; по взаимнымъ искамъ общ. „Адольфъ Вейсманъ и Ко“ и Наделя.

Частныя: по жалобамъ на моск. комм. судъ: адм. „Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ“, аноним. общ. „Михаилъ Малюта“, Добровольнаго флота, моск.

гор. упр., Познеръ, Орлова, Мандельбергъ; на сб. коммерч. судъ: Рашевскаго; о продажѣ недвижим. имущ. Сомовыхъ; о разрѣшеніи дополнительнаго залога недвижимаго имущ. Ветчинныхъ; о перезалогѣ недвижим. имущ. Тимофеевой.

На 7-е января, по 1 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: упр. забайк. жел. дор. съ Фергманомъ; упр. жел. дор. съ Кравченко, Ермолаевымъ, Гологузовымъ; упр. сибирской жел. дор. съ Рудязо; общ. рязан-уральской жел. дор. съ Филиповымъ, Нимилинымъ, Корявкинымъ; 1-го общ. подъѣздныхъ путей въ Россіи съ Лавриками; упр. юго-восточн. жел. дор. съ Лавники; упр. сызр.-вязем. жел. дор. съ Зиновьевымъ; Мурашевымъ съ упр. сиб. варш. жел. дор.; упр. сѣверо-запад. жел. дор. съ Цендровскимъ.

Създовья: упр. жел. дор. съ Слудкиными, Вайнтраубомъ, Езерскимъ, Карнибадомъ, торг. дом. „Бр. Тильманъ и К^о 3 дѣла, Новогрудской, Лейбовичемъ и др., Ригертомъ, Архипенко, Йосефомъ, тов. корюковского сахарофаинаднаго завода; Альбина и др. съ общ. моск.-винд.-рыбинск. жел. дор. 2 дѣла; Давидова и др. съ упр. южн. жел. дор.; Канторовича, Гачковского съ упр. полѣск. жел. дор.; Крейзера съ упр. екатеринин. жел. дор.; упр. прив. жел. дор. съ Маркусфельдомъ, Розенкранцомъ, Бартомъ, Карнибадомъ, Лейбовичемъ, Шерешевскимъ, Грабовскимъ и Перецомъ; упр. снѣр.-вязем. жел. дор. съ Лихешерстовымъ, Богдановымъ, Агѣевымъ, Казинымъ, Гинсбургомъ; Векслера съ общ. лодз. фабр. жел. дор.; Гройсмана, Вургафта, Лерентрахта съ упр. юго-западн. жел. дор.; Бекмана съ упр. курск.-харьк.-севастоп. жел. дор.; упр. южныхъ жел. дор. съ Файнбергомъ; общ. товарн. складовъ съ упр. жел. дор.; упр. сѣвер.-западн. жел. дор. съ Вайнштокомъ.

На 7-е января, по 2 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Ангель съ холмско-варшав. дух. консист., вишневецкою дух. консист.; сувалк. губерни. правл. съ Святловскимъ; люблин. контролн. пал. и рад. каз. пал. съ Кульчицкимъ; варшав. кон. госуд. банка съ Водушинскимъ и др.; Грабовскаго съ Хайдугали; Пейсаховича съ Полескимъ; Томашевскихъ съ Грэйбовской; Видерскаго и Мрозкевичъ съ Сарновичемъ; Соненберга съ варшав. комм. банкомъ и др.; акц. общ. промыш.-сгронт. зав. „Бр. Мартенсъ и А. Даабъ“ и Янковскаго; упр. гос. имущ. радомской и др. губ. съ Цвинскимъ.

Създовья: центральное бюро технич. новостей съ фирм. „Персиганеръ и К^о“; Шимавкевича съ Метафрастомъ; Альтмановъ съ Ходковскимъ; Абрамовича и Гингольда съ Вайнблюмомъ; Вержбицкаго съ Шаниро; Томаса съ Кавенки; Наркевича съ Ротеромъ; Ридлера съ Гославскимъ; Цахневской Писарскимъ; Мусатовой объ имуществѣ С. Мусатова; Марусъ съ Марусомъ; Винскаго съ Винскимъ; Зальцмановъ съ Шармеромъ; Цютриковской съ Ногода; Квятковского съ Коваликъ; упр. сѣверо-запад. жел. дор. съ Купчомъ; Ангича съ Бучковскимъ; Кулнскаго съ наслѣд. Л. Маая; Висневской съ Катлешкомъ; Витгозера съ Флориановичамъ; Горека съ Михальскимъ; Грйбаумъ съ Фишманомъ и др.; Шокальской съ Кляйманомъ и др.; Михурскихъ съ Влодарчикомъ; Каранта съ Шеномъ; Менжискаго съ Эндлендеромъ; Ягры съ Марковымъ; Аккермана съ Вайсбергомъ; Эвзеля съ Мадеръ 2 дѣла; Формальскаго съ Витковскимъ; Драйгорна съ Жихлинскимъ; Пугана съ Палъ; Остана съ Шреттеромъ и др.; Спродскихъ съ Шиманомъ; Пархоменка съ Кононовымъ; фирмы Г. Брюггеманъ въ Ригѣ съ Левитомъ; Гальперна съ Энгельманомъ; Вернадскаго съ Бергомъ; Познера съ Кличинскимъ; Рдеста съ Каминскимъ и др.; Островскаго съ Грабовскимъ и др.; Бакаляржомъ и др.; Козловской съ Пневскимъ; Рдеста съ Каминскимъ и Кржеминскимъ; Богдановскаго съ плимонтоскимъ ссудо-сберег. тов.; Котельникова съ торг. д. „Бр. Гиндбергъ и Моловистъ“, акц. общ. люблин. фабр. Портланд-цемента, фирмой по иску Чарнецкаго къ Желазславскому; Буткусовъ съ Эндзайтисъ; Буткуса и Юнкера съ Эндзайтисъ; Кригера съ Штокманомъ; Смочинскаго съ Смочинскимъ; Эндзайтисъ съ Буткусомъ, Шиллеръ и др. 2 дѣла; Фридриха съ Верфель; Финкельштейна съ Гольдбергомъ; Наприца съ Голембовскимъ; Марковича съ Зельбершадомъ; Маіоратнаго владѣльца Обручева съ Левяцкой; Левандовскаго съ Шлезингеромъ; Якобсона съ Паппльскимъ; Куписа съ Грущинскимъ и Дзюбковскимъ; Дзедзишевскаго съ Свитомъ; Шейна съ Кухтою; Малайновскаго съ Гофманской; 2-го варшав. ссудо-сберег. тов. съ Едминской; Деичинскаго съ Горовичемъ; Цѣсельскаго

съ Летисомъ; Гаршберга и Файнберга съ Попелянской; Борковского съ Милюкевичами.

На 8-е января, по 3 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Упита съ лифл. губ. аклизн. упр.; Юрака съ упр. землед. и госуд. имущ. прибалт. губерний; Суханова съ упр. по постройки оренбург-тамтск. жел. дор.; торг. дома „Бр. Г. и А. Велдеръ“ о признаваніи общ. ряз.-уральск. жел. дор. несостоятельнымъ; Ягора о распредѣленіи денегъ между кредиторами Крымдеса; Сыръ-Дарьинскаго обл. явл. съ Комаровымъ; о несостоятельности Курманбаева; конкур. упр. по д. Кошкина и Феофани 8 дѣла; варшав. конт. госуд. банка съ конкур. упр. по д. гр. Потоцкаго; упр. по сооруженію жел. дор. съ Сунгуровымъ.

Създовья: Баднасова съ Розбахомъ; Прама съ Вринскимъ отд. размноженія охотнич. животныхъ; Крумина съ Бекманъ; Савне съ Фейерабеномъ; по-печит. надъ имущ. Коортъ съ Коортомъ; Глабе съ Мальмавомъ; Вобровскаго съ Савкомъ; Ойя съ опекою нес. наслѣд. ум. Зонненберга; Раимейера съ Бютнеромъ; Раусна съ Ансономъ; Кузика съ Бартельсъ; Розилехта съ ф.-Самсонъ-Гиммельстёрномъ; Рогера съ Фуксомъ и др.; Ташманъ съ Ташманъ; Торнуса съ Вагомъ; Дреймана съ Зебергомъ, Галымина съ Коврадомъ; Юргелсона съ Алексѣевой; Кремберга съ Викене, Риулла съ Линнаборъ; Шустефа съ Маркушевичемъ; Коорта съ Сундотскимъ; Плау съ рижскимъ общ. взаимн. страх. отъ несч. случаевъ; Лишейта съ Яникумомъ; Литгарта съ Мартинсонъ; Авотъ съ Макаровымъ; Радзына съ Кегеломъ; Лоссмана съ Абель-Мойзекюльской добров. дружиной; Заскитъ съ Веге; Тентса съ Урбергомъ; Труса съ Микельсономъ; Нарека съ Нартсомъ; Нофмятъ съ Сузьтъ и др.; Рауфельда и уполномоч. лифл. каз. пал. съ Мишке; Нейвена съ Сосниеромъ; Алликальта съ Веге; по-печит. надъ наслѣд. Лаука съ Рейманомъ; Ландберга объ имущ. Фингергута; Кутеновыхъ съ Тамма; Тагера, Левина и др. между ними; Биршгейдта съ Сермудомъ; Лаца со Швенномъ; Липцъ съ Грантомъ, Вейде.

На 8-е января, по 4 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Шполянскаго съ Ребиндерами и Мансуровой; Моисея Кривенко съ Евгеніемъ Кривенко; иркутск. отдѣл. сибирск. торговаго банка съ упр. по постройки кругобайкальской жел. дор.; Шаликовскаго со свящ. Овсяннинымъ; Аносова съ Холщениковымъ; Лонгина, Детлига, Мозера съ Вельками; Сташкевича съ Копоновыми; Пустобаева съ Запрометовыми; душеприказчиковъ по завѣщ. Пономаренко съ Бебенышевнымъ; Засвѣдка съ Левыкиннымъ; Бакинскаго отдѣл.; государственнаго банка по жалобѣ на дѣйствія судебнаго пристава Вахтамова, борисова съ Ларионовой.

Създовья: Лебасъ съ Мухинымъ; Герасимова съ Акуратнымъ Гинштейнъ съ Капустиннымъ; Чайчинскаго съ Хвойнацкимъ; Лысакова съ Булашъ; Деуллина съ торг. домомъ „И. Т. Мироновъ и Сынъ“; Альферова съ Смирновымъ; техн. конторы тов. инженеровъ съ московско-казанской ж. д.; Красоткина съ Кузьминнымъ; Никифорова съ Ивановымъ; Рыбацкаго сельск. общ. съ Мясниковымъ; Семеновъ на опредѣл. нѣжинскаго окружнаго суда; Гульмы съ Шнаперомъ; Ювчева съ Малиновскимъ; Забутириной съ Вауаромъ; русскаго общ. вывозной торговли съ Гарецкой; Цейкертъ съ Садовской и Ярошинской 2 дѣла.

Р Е З О Л Ю Ц И И.

16-го декабря, по 3 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отъ-нены рѣшенія: лифвандской каз. палаты съ Нольке-номъ; Фридентала.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Рашмейера; Лаура; тов. насл. Гуревича; Вигаста; Берзина; Шаршуна; Данилевскаго; акц. общ. Кригеманъ; Пудалова; Ундрица съ Янесомъ о 488 руб.; Черномордика; Ашуса; Аннука; Карлсона.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

16-го декабря, по 4 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: войск. хозяйств. ком. оренб. каз. войска съ Рамбевымъ 7 дѣлъ; Язева; общ. рязан.-уральск. жел. дор. съ Иконниковымъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, отмѣнено рѣшеніе: торг. дома Баргафъ и К^о.

Передано на уваженіе присутствія департамента: Кирьякова съ Копыловымъ.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Вольфсона съ Христіансенъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

17-го декабря, по 5 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, производство признано уничтоженнымъ: Гр. Нирода съ Аносовой.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Стокфиша; Трудерунга; Вишневскаго; Вижевскаго; Боровецъ; Панска; комм. мѣховскаго уѣзда съ Чарнухой.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Пуккула съ Суравскимъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

17-го декабря, по 6 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: Цыбульскаго; Волоха; Теръ-Григорьянцевъ.

Возвращено въ палату для поступленія по уста-

новленному порядку: страх. общ. „Россія“ съ Эльчибековой.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Рябушинскаго; Ульяновыхъ; Карачевскаго-Волгъ; Гажа.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: тов. Саламандра съ Пельбаумомъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

18-го декабря, по 7 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: кн. Гагаринныхъ съ Хомяковымъ; Энгельштейнъ; главнаго артиллерійскаго упр. съ Брусиниковымъ; рязанско-уральск. жел. дор. съ Жерновой.

Переданы на уваженіе присутствія департамента: рязанско-уральск. жел. дор. съ Антоновымъ; Носенко съ общ. кр. села Ситницы.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Воронцова; тов. сиб. вагоностроительн. зав.; Вицкаго; Максимова; Остолопова.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Гельбрасъ съ верхнерядской биржевою артелью.

Исключено изъ доклада: Шпильрейна съ Бурназовымъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

18-го декабря, по 8 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: Рожковой; Монта.

Передано на уваженіе присутствія департамента: Нѣмцова съ Брецинскимъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Альперина 2 дѣла; Кузнецова; Конаныкина; Малива; Шалѣва; Субача; Хихловскаго; Онищенко.

Передано на уваженіе присутствія департамента: Розанскаго съ Юганомъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжномъ складѣ М. М. Стаеюлевича

(В. О. 5 линія 28)

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ съ обычной уступкой КНИГОПРОДАВЦАМЪ.

Н. П. КАРАБЧЕВСКІИ

Рѣчи—2 изд. 588 стр.—съ двумя прибавленіями—3 р. 50 к
Около правосудія—статьи, сообщенія и судебные очерки, изд. 2-е. 540 стр.—2 р.— 3—4

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Андреевъ, Василій Андреевъ.	С. о. 31 дек. № 105. Несостоят должникъ. Р. VI, ст. 1356.	Саратовск. о. с.
Аквилъянова, Павла Емельянова, жена к. асс.	С. о. 24 дек. № 103. Опекунск. упр. надъ личн. и имущ. по слабохарактерн. способн. легко поддаваться чужому вліанію и полной неспособн. распор. своимъ имущ. Р. VII, ст. 592.	Казанск. с. с.
Брыкинъ, Андрей Андреевъ, мѣщ.	С. о. 31 дек. № 105. Опекунск. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 613.	Богородск. с. с.
Брызловъ, Александръ Матвѣевъ, мѣщ.	С. о. 24 дек. № 103. Опекунск. надъ личн. и имущ. по умопомѣшат. Р. VII, ст. 594.	Сиб. с. с.
Вертинорохъ, Степанъ Александровъ, сынъ ст. сов.	С. о. 31 дек. № 105. Опекунск. надъ личн. и имущ. по душевной болѣзни. Р. VII, ст. 612.	Кіевск. с. с.
Ванновскій, Иванъ Ивановъ, докт. медиц.	С. о. 28 дек. № 104. Опекунск. упр. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 604.	Казанск. с. с.
Вдовинъ, Иванъ Гавриловъ, мѣщ.	С. о. 28 дек. № 104. Опекунск. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 607.	Оренбургск. с. с.
Грибановъ, Иванъ Николаевъ, мѣщ.	С. о. 28 дек. № 104. Опекунск. надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 605.	Вѣлгородск. с. с.
Дели-Николи, Константинъ, посел.	С. о. 24 дек. № 103. Попечит. надъ личн. по глухотѣ. Р. VII, ст. 596.	Симферопольск. с. с.
Егоровъ, Егоръ, кр. вяземск. у.	С. о. 31 дек. № 105. Опекунск. надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 616.	Земск. нач. З уч. вяземск. у.
Егорова, рожд. Маркевичъ, Гликерія, жена подполковн.	С. о. 28 дек. № 104. Попечит. надъ личн. и имущ. по растр. умствен. способн. Р. VI, ст. 606.	Рижск. с. с.
Исаевъ, Алексій Ивановъ, кр. вышневол. у.	С. о. 28 дек. № 104. Опекунск. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 602.	Спб. с. с.
Кондратовская, Антонина Федорова, надъ сов.	С. о. 31 дек. № 105. Опекунск. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 614.	Спб. с. с.
Бокановъ, Павелъ Степановъ, мѣщ.	С. о. 28 дек. № 104. Опекунск. надъ имущ. по нетрел. и расточит. жизни. Р. VII, ст. 600.	Костромск. с. с.
Книвоносозъ, Иванъ Ивановъ.	С. о. 28 дек. № 104. Опекунск. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 609.	Елисаветградск. дв. о.
Любимовъ, Михаилъ Ефимовъ, губ. секр.	С. о. 28 дек. № 104. Опекунск. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 608.	Пензенск. с. с.
Мерслютинъ, Александръ Максимовъ, куп.	С. о. 31 дек. № 105. Несостоят должникъ. Р. VI, ст. 1355.	Архангельск. о. с.
Мазингъ, Викторъ Кондратьевъ.	С. о. 24 дек. № 103. Опекунск. надъ личн. и имущ. по умопомѣшат. Р. VII, ст. 598.	Одесск. с. с.
Никитинъ, Андрей, кр. вяземск. у.	С. о. 31 дек. № 105. Опекунск. надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 615.	Земск. нач. З уч. вяземск. у.

Осиповъ, Прохоръ, кр. чебоксарск. у.	С. о. 31 дек. № 105. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 610.	Земск. нач. 1 уч. чебоксарск. у.
Пигаревъ, Илья Яковлевъ, мѣщ.	С. о. 24 дек. № 103. Опекунск. упр. надъ имущ. по старости, болѣзн. состоян. и слѣпотѣ. Р. VII, ст. 593.	Жиздринск. с. с.
Стыровъ, Николай Николаевъ, отставн. колл. секр.	С. о. 24 дек. № 103. Опекa надъ имущ. по расточ. Р. VII, ст. 595.	Царскосельск. ратуша.
Соколовъ, Иванъ Григорьевъ, мѣщ.	С. о. 24 дек. № 103. Опекa надъ личн. и имущ. по умопомѣшат. Р. VII, ст. 599.	Одесск. с. с.
Соломаникъ, Шмерка Зеликовъ, мѣщ.	С. о. 31 дек. № 105. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1352.	Витебск. о. с.
Соломаникъ, Нафтолій Зеликовъ, мѣщ.	С. о. 31 дек. № 105. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1353.	Витебск. о. с.
Соломаникъ, Залманъ Зеликовъ мѣщ.	С. о. 31 дек. № 105. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1354.	Витебск. о. с.
Черкасовъ, Григорій Яковлевъ, в. сов.	С. о. 24 дек. № 103. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 597.	Симферопол. с. с.
Чернявскій, Александръ Васильевъ, мѣщ.	С. о. 28 дек. № 104. Опекa надъ личн. и имущ. по умопомѣшателству. Р. VII, ст. 603.	Одесск. с. с.
Штейнбергъ, Константинъ Михайловъ, личн. поч. гр.	С. о. 28 дек. № 104. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 601.	Спб. с. с.
Юркевичъ, Фѣдоръ Васильевъ, надв. сов.	С. о. 31 дек. № 105. Опекa надъ личн. и имущ. по умопомѣшат. Р. VII, ст. 611.	Курск. дв. о.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Айнаджіевъ, Григорій Ивановъ, мѣщ.	С. о. 31 дек. № 101. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1908 г. № 43, ст. 540), признан. неосторожн. Р. VI, ст. 1306.	Таганрогск. о. с.
Берляндъ, Шимонъ, Зайвехевъ, мѣщ.	С. о. 28 дек. № 104. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1907 г. № 74), въ виду соглашенія объ уплатѣ долга. Р. VIII, ст. 402.	Каменецъ - Подольск. о. с.
Вьюнцовъ, Дмитрій Сергѣевъ.	С. о. 31 дек. № 105. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1909 г. № 85, ст. 1066), за прекращен. претензій. Р. VIII, ст. 407.	Московск. к. с.
Гайсинъ, Муртара Ахментьяновъ.	С. о. 28 дек. № 104. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1907 г. № 102, ст. 1265), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 403.	Пермск. о. с.
Левинъ, Веніаминъ Гершовъ.	С. о. 10 дек. № 99. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1907 г. № 80, ст. 974), признан. несчастн. Р. VI, ст. 1281.	Таганрогск. о. с.
Лернеръ, Леви-Ицекъ Нолховъ, мѣщ.	С. о. 10 дек. № 99. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—свѣд. пѣтъ) навсегда. Р. VI, ст. 1282.	Лубенск. о. с.

Михѣевъ, Александръ Васильевъ, куп. сынъ.	С. о. 28 дек. № 104. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1906 г. № 66, ст. 277), за смертью. Р. VIII, ст. 400.	Московск. с. с.
Никольскій, Михаилъ Александровъ.	С. о. 31 дек. № 105. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1903 г. № 44, ст. 155), за смертью. Р. VIII, ст. 405.	Астраханск. с. с.
Рауэртъ, Павелъ Вильгельмовъ, куп.	С. о. 28 дек. № 104. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1906 г. № 28, ст. 313), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 399.	Рижск. о. с.
Смирновъ, Федоръ Тимофеевъ, надв. сов.	С. о. 28 дек. № 104. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1908 г. № 310), за смертью. Р. VIII, ст. 398.	Казанск. с. с.
Товарищ. хрустальныхъ завод. «Антонъ Ге».	С. о. 28 дек. № 104. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1904 г. № 42, ст. 456), безъ обвужденія свойства несостоят. Р. VIII, ст. 401.	Московск. к. с.
Трифорова, Марія Михайлова, мѣщ.	С. о. 28 дек. № 104. Прекращ. опека (учрежд.—с. о. 1909 г. № 20, ст. 88), за смертью. Р. VIII, ст. 404.	Спб. с. с.
Черкезь, Бабакай Яковлевъ.	С. о. 31 дек. № 105. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1909 г. № 73, ст. 939), за прекращ. кредит. претензій. Р. VIII, ст. 406.	Московск. к. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явленъ. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое привело публикацію.
Веберомъ, Феликсомъ Феликсовымъ, швейцарск. подд.	Воронцу, Андрею Яковлеву, кр.	С. о. 17 дек. № 101. У метиславльск. нотар. Горячковского, 10 апр. 1909 г. № 821. Р. IV, ст. 489.	Могилевск. о. с.
Дмитріевымъ, Василиемъ Никитиннымъ, мѣщ.	Дмитріеву, Павлу Васильеву, мѣщ.	С. о. 10 дек. № 99. Въ красноволянск. волостн. правл., елецк. уѣзда, въ мартѣ 1908 г. Р. IV, ст. 482.	Елецк. о. с.
«Елагинъ Анисимъ съ С-ми» торг. домою.	Ходыневу, Николаю Никитину.	С. о. 17 дек. № 101. У московск. нот. Иванова, 24 февр. 1909 г. № 1245. Р. IV, ст. 497.	Спб. о. с.
Клитиноу, Елисаветою Павловою, жен. к. совр.	Бобровскому, Сергѣю Павлову, воен. инж. подполк.	С. о. 17 дек. № 101. У спб. нот. Каченовскаго, 7 янв. 1906 г. № 108. Р. IV, ст. 498.	Спб. о. с.
Клитиноу, Елисаветою Павловою.	Бобровскому, Сергѣю Павлову.	С. о. 17 дек. № 101. У спб. нот. Каченовскаго, 17 янв. 1908 г. № 363. Р. IV, ст. 499.	Спб. о. с.
Кузьминимъ, Степаномъ Косминимъ, кр. новгор. губ.	Баженову, Василию Иванову, кр. самарск. губ.	С. о. 17 дек. № 101. У нижегородск. нотар. Краснокутскаго, 16 окт. 1908 г. № 3519. Р. IV, ст. 491.	Нижегородск. о. с.
Кузьминимъ, Степаномъ Косминимъ, кр. новгор. губ.	Баженову, Александру Иванову.	С. о. 17 дек. № 101. У нижегородск. нотар. Краснокутскаго, 21 марта 1909 г. № 756. Р. IV, ст. 492.	Нижегородск. о. с.
Кузьминимъ, Степаномъ Косминимъ, кр. новгор. губ.	Баженовой, Варварѣ Александровой, женѣ прапорщ. запаса флота.	С. о. 17 дек. № 101. У нижегородск. нотар. Краснокутскаго, 17 окт. 1907 г. № 3529. Р. IV, ст. 493.	Нижегородск. о. с.